Российская Коммунистическая Партия (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 2—3 дня и с 9—7 веч.
Телефоны: Телефонограммы 5-72-93. Секретаря редакции 4-01-92. Ночной редакции 4-58-54. Прямой провод верхнего коммутатора Кремля.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Ваганьковский пер., 5. ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., дом 5, контора газеты „ПРАВДА". Денежные переводы направлять исключительно по этому адресу.
Контора открыта ежедневно, кроме праздников, от 10 ч. утра до 4 ч. дня.
Телефон к-ры: 3-02-19, 4-48-47.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ПО СВЕДЕНИЯМ ИЗ ВАШИНГТОНА, РАБОЧИЕ ПУЭБЛЫ (МЕКСИКА) ПРОВОЗГЛАСИЛИ СОВЕТСКУЮ РЕСПУБЛИКУ.

ОСЛОЖНЕНИЯ В АНГЛО-ИРЛАНДСКОМ СОГЛАШЕНИИ.

НА 24 ДЕКАБРЯ ПО ВСЕЙ РСФСР ЗАГОТОВЛЕНО 166.489,088 ПУДОВ ХЛЕБА.

№ 292. Воскресенье, 25 декабря 1921 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 292.

На чеку!

Отчетная речь тов. Ленина на с'езде советов наметила основные линии нашей внешней политики. Мы хотим мирных экономических сношений с заграницей. Мы облегчаем эти сношения административными реформами. Мы идем на экономические уступки. Но мы ни в коем случае не позволим ни закабалить себя, ни играть с собой в кошки-мышки. Мы должны быть на чеку.

В отчетной речи тов. Ленина на первом заседании с'езда советов значительная часть была посвящена вопросам внешней политики. Эта часть речи, совершенно очевидно, предназначалась не только для с'ехавшихся со всех концов России представителей рабочих и крестьян, но и для «внешнего мира», для мира иностранных буржуа, их правительств, их дипломатии. В настоящее время этот «внешний мир» ведет против нас двойную игру. С одной стороны,— торговые договоры, разговоры «самого» Ллойд-Джорджа с Красиным, весьма вероятное признание Советского правительства «de jure» и т. д., и т. д.; с другой—натиски Японии, Финляндии, отчасти Польши, которые делаются, очевидно, не без попустительства и не без указаний со стороны крупных держав мировой банкократии. Равновесие «весьма неустойчивое». Но мы должны все же помнить, что по отношению к этим «сильным мира сего», несмотря на все наши затруднения, вытекающие из голода и нищеты, мы вовсе не так слабы, как воображают наши противники. Прямо смешно читать рассуждения русских белогвардейских газет, которые на все лады обсуждают теперь вопрос о... о чем бы вы думали? О «коалиции»! О, святая простота! О, ослиная тупость наших доморощенных политиков из стана врангелевской «демократии»! Люди настолько запутались, что не видят основного факта,—факта чрезвычайного укрепления Советской власти именно вследствие «нового курса экономической политики». О какой же коалиции может быть речь?

Крупные государства капитала не могут обойтись без нас,—это есть доказанный всеми послевоенными годами факт. Конечно, они могли бы при помощи своих высоких военно-технических средств нас принудить. Технически это вполне возможно. Но это невозможно политически. Конечно, падающие классы способны на всякое безумие. Но это неизбежно обрушится на голову самих поджигателей и зачинщиков. В Европе царит почти всеобщий страх перед войной. [illegible] объективно подготовляют новые войны, чувствуют боязнь перед новым военным взрывом, ибо они смутно догадываются, к чему это в конце концов приведет. Даже герои 2 и 2½ «интернационала» напуганы и принимают резолюции против войны, давая клятвы, что будут применять в борьбе с ней «все средства». Вот **политическая** общеевропейская атмосфера. А **экономика** гонит капиталистов к **торговле** с нами. При таком положении вещей мы, как страна, вышедшая из круга империалистских связей, приобретаем громаднейшее значение и громаднейшую **силу**, далеко превышающую нашу непосредственную экономическую, техническую и военную мощь.

И этим диктуется наша политика. Мы готовы итти на уступки и жертвы, но мы будем знать здесь границы, **мы не позволим драть с себя по семи шкур**; мы будем активно отвечать на подлые удары, которые срывают нам нашу великую работу по восстановлению производительных сил страны. Это **сознание есть у каждого честного гражданина республики**. И нужно было видеть, какой бурный гром рукоплесканий поддерживал каждую фразу пролетарского стратега, когда он твердо и решительно подчеркивал, что **играть с собой мы не позволим**.

Мы говорим, что вся обстановка складывающихся отношений в их международном масштабе говорит против войны. Но мы в то же время еще раз подчеркиваем, что падающие классы, как показала неоднократно история, бросаются в безумные авантюры, **и такие авантюры отнюдь не исключены**. Об этом достаточно красноречиво говорят японские и карельские события. Мы достаточно крепки и мы хотим мирных торговых отношений. Мы переходим в административной области от системы непосредственной расправы к системе налаженного революционного судопроизводства. Но, сокращая функции Чека, мы в то же время **должны каждый момент быть на чеку!**

Быть на чеку!—вот наш лозунг. И если капиталистические авантюристы будут посягать на нашу страну, «мы все, как один человек, станем на ее защиту!» [illegible] по переломить хребет кое-кому из наших даже весьма сильных противников.

Год поражений и побед.

Прошлый 8-й с'езд Советов оценил наше общее положение более оптимистически, чем оно было в действительности. Истекший год научил нас осторожности. Больше всего надо бояться преувеличенных планов и необоснованных надежд.

Прошлый 8-й с'езд Советов собрался в момент, когда республика с честью и победоносно вышла из трехлетней гражданской войны. Он собрался тогда, когда наша промышленность на основе накопленного по развертке продовольствия и запасенного (хотя и в недостаточном количестве) топлива начала развертываться с большой быстротой. Глубина сельскохозяйственного кризиса не была еще осознана всеми в надлежащей мере, как и не была еще осознана необходимость сделать крупный поворот в интересах деревни путем отмены разверстки, хотя бы ценой замедления темпа социалистического переустройства нашего хозяйства. 8-й с'езд оценил общее положение более оптимистически, чем оно оказалось на деле. Этот оптимизм проявился не только в том, что доклад от ВСНХ рассматривал развертывание промышленности и первые успехи, как начало длительного под'ема, но и в том, что сам с'езд Советов постановил увеличить производственную программу основного нашего хозяйственного узла—Донбасса —до 600 миллионов пудов годовой выработки. Но уже в начале 1921 г. обнаружилась ошибочность общей оценки положения и, в частности, наша промышленность после марта месяца покатилась вниз. Топливные и продовольственные ресурсы оказались непропорционально малы по сравнению с количеством предприятий, пущенных в ход. С другой стороны, тяжесть разверстки, обнаружившаяся к началу весны, потребовала перехода к продналогу и к общему изменению всей экономической политики Советской власти.

Настоящий с'езд собрался в обстановке, когда вполне обнаружились первые значительные успехи новой экономической политики как отчасти в сельском хозяйстве, несмотря на кровоточащую рану голода в Поволжье, так и в особенности в области нашей крупной промышленности. Благодаря тому, что мы начали развертывание промышленности на меньшем количестве предприятий, с меньшим количеством рабочих, но за то с большей осторожностью в оценке своих топливных и продовольственных ресурсов, благодаря новой системе тарифов и гораздо более хозяйственному подходу к делу вообще, мы имеем к декабрю не только, так сказать, сезонное улучшение производства, но относительно гораздо большее улучшение, чем прошлый год. При меньшем количестве рабочих, при меньших затратах топлива и продовольствия, мы имеем в ряде отраслей абсолютное увеличение выработки в сравнении с этим же периодом прошлого года. В частности, тот самый Донбасс, который не смог выполнить в тяжелые месяцы этого года программное задание 8-го с'езда, теперь, к 9-му с'езду, радует республику известиями о превышении за ноябрь—декабрь среднего месячного задания 8-го с'езда. Ряд предприятий впервые за 4 года революции подняли производительность до нормы мирного времени.

Казалось бы, эти радостные предзнаменования не дают никаких оснований для пессимизма и, наоборот, дают больше оснований, чем прошлый год, надеяться на длительный и прочный под'ем нашего хозяйства. Однако, наученные горьким опытом истекшего года, все мы предпочитаем просчитаться в смысле уменьшения результатов ожидаемого улучшения, чем получить поправку от жизни в обратном смысле. Под знаком такого же настроения приступил и IX-й с'езд Советов к своей работе. Он не повысит наших производственных программ, но он скажет всем ответственным перед ним советским органам: вы составили годовой план хлебного снабжения—выполните его: вы наметили ряд плановых заданий по промышленности и сельскому хозяйству,—выполните хотя бы их, и это будет величайшим завоеванием рабоче-крестьянской власти в обстановке нашей нищеты, голода и истощения. А если дружные усилия рабочих и крестьянских масс, руководимых коммунистической партией, сделают подвиг и превысят намеченные программы, пусть X-й с'езд Советов впишет имена отдельных и коллективных героев труда в историю социализма и освободительной борьбы человечества.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Неослабно следи за пульсом.

Следить за темпом, тенденциями развития промышленности мы можем только по цифрам. Отчетность запаздывает на несколько недель. Это явление нетерпимо. Нужно добиться, чтобы простейшие сведения доставлялись в центр в кратчайший срок.

Мы вступаем в 1922-й год. Декабрь в прошлом году был самым высоким по продукции месяцем. Ожидалось дальнейшее улучшение. Однако, уже в январе по некоторым отраслям промышленности обозначились симптомы разразившегося весной производственного срыва. В феврале видно было, что болезнь захватывает все большую часть промышленного организма. В апреле—все полетело в пропасть.

Этот декабрь будет лучшим месяцем в 1921-м году.

В январе продукция упадет благодаря праздникам.

А может быть и не только благодаря им?

Как ответим мы на этот вопрос?

Или будем убаюкивать себя ссылкой на праздники?

А может быть, даже и не фразами своевременно о возможном падении? Может быть, о размерах январской продукции придут сведения лишь в марте или апреле?

Ротозейничать теперь нельзя, ибо мы на войне.

Хозяйственники должны знать работу своих предприятий.

В каждый данный момент они обязаны сказать, сколько у них рабочих, каковы запасы топлива, имеется ли хлеб для рабочих и на какой срок, сколько предприятие сработало за истекший период. И если на все эти вопросы хозяйственники могут отвечать лишь через месяц по истечении отчетного месяца, им не место в хозяйственных органах.

Они должны **во что бы то ни стало** поставить на ноги учет и статистику, сделать последние справочными средствами **сегодняшнего дня**. И если они это сделают—а они обязаны сделать!—первейшая их обязанность—сообщить тотчас же, не откладывая ни на один день, выше стоящему органу. Пусть эти цифры будут **предварительными**, пусть с будущими, проверенными цифрами они будут расходиться на 5, даже на 10 процентов,—но лишь бы центр знал, каков ход работ, каков темп развития, каковы тенденции последнего. **Простейшие сведения должны** быть даны в первые 10—15 дней по истечении отчетного месяца.

Иначе, как нам выявлять эти тенденции, как нам предупреждать возможные срывы, если мы не узнаем своевременно, с какой стороны грядет опасность!

Статистика металла—одна из лучших!—задирает нос кверху, **составивши** таблицу выплавки чугуна по республике **за октябрь**. Это—в конце декабря-то! И металлостатистика вправе гордиться, так как в подавляющем большинстве главков и за сентябрь полной сводки не найти. Пожалуй, и за август!

На военных фронтах никуда негоден штаб, не сумевший наладить связь день за день. В промышленности этого и не требуется. Но что месяц за месяцем аккуратно, быстро, ясно штабная периферия должна отчитываться, это вне сомнения.

Пусть тт. делегаты с'езда потребуют у себя дома быстрой отчетности.

Без нее центр беспомощен, опасности предупредить не сможет, ибо не будет знать, где, откуда и какова она.

Пора перестать заниматься одним лишь лечением болезней. Медицина советует предупреждать их: это выгоднее для организма и дешевле для лечащего.

ВЛ. САРАБЬЯНОВ.

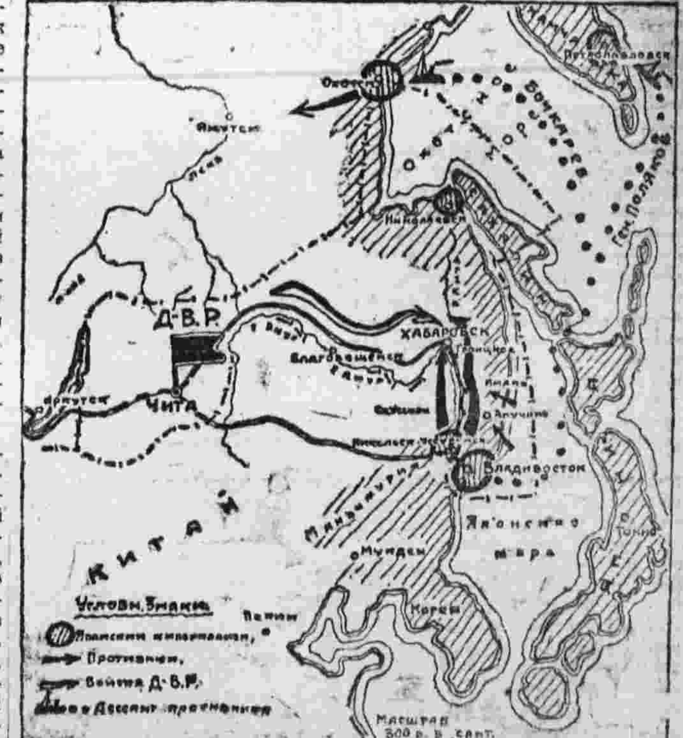
Наступление каппелевцев в Приамурье.

Япония ведет систематическое наступление против нас и союзной с нами Д.-В. Р. Она захватывает важнейшие экономические и стратегические пункты. Все это совершается в усиленной степени после «мирной» Вашингтонской Конференции. Красная армия и рабочий класс России должны быть на чеку.

За последнее время внешняя политика Японии может быть охарактеризована, как беспрерывное стремление к закреплению за собой оккупированных ею областей Тихоокеанского побережья.

Захват **Приморской области, Манжурии, Кореи** и упрочение своего первенствующего положения в **Китае**—вот основные моменты в настоящей деятельности японского империализма на Дальнем Востоке.

Не признавая Читинского правительства Д.-В. Р. и оттягивая эвакуацию своих войск из Сибири—империалистический кабинет нового премьера—министра **Танаши** (активнейшего, после убитого **Хара**, члена военной партии «Сейюкай») прилагает все усилия, чтобы продлить и расширить оккупацию к востоку от Байкала. Для более успешной борьбы с «большевистской заразой» и для расширения сферы господства японского капитала Япония создала «приморский буфер», в лице правительства **Меркулова**. Окутанное нитями японской дипломатии, правительство Приморья, с первых же дней своего существования подпав под полный финансовый и политический контроль Японии, превратилось в роль простой ширмы, за которой японские «дельцы» незаметно захватили все нефтяные озера и угольные копи острова **Сахалина**, рыболовные и горные промыслы **Камчатки** и далее такие крупные центры, как Владивосток, Николаевск, Охотск и форт Петропавловск. С целью захвата богатейшего полуострова северо-восточной Азии—Камчатки и овладения громадной Якутской областью—правительство Меркулова, сообразуясь с директивами японского командования, в августе с. г. организовало во Владивостоке две морские экспедиции—первую под командой ген. **Полякова** (150—200 ч.) и вторую под руководством есаула **Бочкарева** (350—400 чел.), [illegible] японцы и унгерцы. Как та, так и другая экспедиции «благополучно» достигли намеченной цели. 6 октября банды Бочкарева занимают город Охотск с дальнейшей задачей распространить свое влияние на всю Якутскую область, а 29 октября десант ген. Полякова достигает Камчатки и занимает форт Петропавловск.

Не довольствуясь первыми успехами, противник начинает организованную борьбу по очищению всего Приморья от партизанских частей Народной Революционной Армии Д.-В. Р. Превосходя ее в несколько раз как людским составом, так и материальными средствами, противник 5 ноября переходит в наступление на громадном фронте северо-востока Сибири, и его десантный отряд, двигаясь вверх по р. Сучан, после короткого боя теснит наши части в северном направлении.

14 декабря японо-каппелевские банды сделали непродолжительный налет на бухту св. Ольги, откуда, понеся потери, были вынуждены вернуться во Владивосток. Сосредоточив большое количество пехоты и кавалерии (5.000—6,000 чел.), 22 ноября части противника, при поддержке японских бронепоездов и артиллерии, повели планомерное наступление вдоль Уссурийской жел. дороги на Хабаровск.

Под давлением превосходных сил противника, малочисленные партизанские части Д.-В. Р. принуждены были отойти в северном направлении и оставить противнику Никольск-Уссурийский и ст. Иман.

С 19 по 20 декабря банды каппелевцев, **под прикрытием японских бронепоездов**, в количестве 300 штыков и 700 сабель, повели наступление на станцию Дормидонтова. После жестоких боев наши партизанские части, не выдержав натиска превосходного противника, были вынуждены с упорным боем отойти в район станции Хор (что 80 верст южнее Хабаровска). В настоящее время до момента подхода регулярных войск Д.-В. Р. продолжаются ожесточенные бои с крупными силами противника на подступах к Хабаровску. Противник, вводя в бой артиллерию и бронепоезда, стремится оттеснить наши силы на левый берег реки Амура.

Таким образом, за период японо-каппелевского наступления по территории Д.-В. Р., противник, действуя преимущественно кавалерией и пехотой на бронепоездах, захватил линию Уссурийской жел. дороги расстоянием в среднем до 600 верст.

Развивающиеся боевые действия в Приморье и налет банд финских помещиков в Карелии являются первой ласточкой, предупреждающей об опасности и извещающей о смысле закулисной работы в Вашингтоне.

Суровое зимнее время не позволит противнику развернуть широко своих операций. Красная же армия и рабочий класс должны быть на чеку и во всеоружии, чтобы в нужный момент дать должный отпор всем разбойникам, срывающим наше всемерное стремление к миру и экономическому возрождению.

ВЛАД. МЕЛИКОВ.

IX С'ЕЗД СОВЕТОВ.

Впечатления.

РАБОТНИКИ ЗЕМЛИ СОВЕТСКОЙ.

IX-й С'езд Советов открыт.

Бывают два праздника. Один истертый, заезженный, когда люди надевают заранее приготовленные одежды, заранее приготовленные выражения лиц, заранее приготовленные чувства. А другой, когда в самой будничной, в самой серой, трудовой, рваной, и подчас страшной обстановке вдруг придет письмо или известие, и на мгновение все посветлеет кругом, и торопливо и радостно забьется сердце.

Вот на таком втором празднике я был в пятницу.

Громадина Большого театра. Весь он снизу до верху залит работничками Советской России.

Приветствия? Но, ведь, приветствия, это же казенщина, это случно. Почему же сегодня так жадно их слушают? Так блестят глаза во всей громадине зала, блестят глаза, не покрываемые блеском электричества?

Потому что впервые приветствуют новые социалистические, советские республики.

Грузия, прекрасная Грузия, социалистическая, Советская Грузия. Да разве не она при меньшевиках кроваво дралась со всеми, со всеми, кто ее окружал? Разве не она огнем и мечом опустошала свои собственные области? «А теперь, — говорит представитель Грузии,—мы с представителем Советской Армении, с которой резались грузинские меньшевики, подписали договор о границах, и я, грешный человек, даже и не прочитал его».

Искусственные границы тают между пролетарскими республиками. И оттого так празднично в зале.

Зазвучал голос Украины:

— Ох, как врет, как подло, беспредельно нагло, как чудовищно лжет буржуазная печать! и банды заливают Украину, и восстания, и разорение!

— Слушайте, да вы составьте анкету иностранных журналистов,—страстно восклицает представитель Украины, —пошлите их на Украину, пусть собственными глазами посмотрят и увидят: банды на Украине уничтожены, и [illegible] самими крестьянами, [illegible] производство подымается, Донбасс оживает.

Взрыв праздничных рукоплесканий.

Раздается голос представителя Дальне-Восточной республики:

— Все мы сделали, чтобы сохранить мир, чтоб избегнуть кровопролития: сохранили все виды частной собственности, права и владения иностранцев, политическую самостоятельность от Советской России, созвали учредительное собрание. И нам было обещано, обещано Японией, что при этих условиях нас оставят в покое. И Япония солгала, нагло, подло солгала. На нас из Владивостока двинулась начтожная шайка черносотенцев, но когда наши партизаны бросились, чтобы смести их, за черносотенцами блеснули штыки надвигающейся японской пехоты, которая заняла порядочный кусок республики. И это в то время, когда японское правительство вело самые мирные переговоры с Дальне-Восточной республикой, чтобы подло отвести глаза.

Чудовищное коварство! В зале потемнело, разлились сумерки и молчание.

И в этом молчании, и в этих сумерках вышел на эстраду... японец. И это был японец-коммунист Катаяма. И зал взорвало от грянувших рукоплесканий.

Он заговорил, он заговорил на непонятном, таком чуждом, далеком для уха языке. Но отчего же, отчего так посветлело в зале? Отчего так блестят глаза? Отчего в таком напряженном внимании вытянуты шеи? Отчего праздник снова разливается по залу?

Звучала чуждая, непонятная речь, а каждый отлично понимал: там, в далекой, таинственной голубой Японии так же бьются пролетарские сердца, так же жгучи материнские слезы, так же падает кровавый пот с чела замученных рабов капитала, которые, не спуская глаз, смотрят с любовью, с великой преданностью смотрят на своих русских братьев и готовятся к борьбе.

Что? Два с половиной миллиона пролетариев в Японии?

Ах, не надо, не надо переводить, мы все, все до кусочка понимаем, не понимая слов, не понимая речи.

Что? Пять миллионов пролетаризованных замученных крестьян, которые в борьбе пойдут плечо в плечо с пролетариатом?

Нет, нет, не надо переводить того, что непонятно для уха, но жадно схватывается сердцем, не надо переводить, что есть две Японии: империалистов и пролетариев. И от этого стало так ярко, так светло в зале, так празднично. И от этого так дрогнули стены от взрыва приветствий далекому японскому пролетариату, и я посмотрел вверх: не обвалится ли потрясенный свод.

Вышел т. Ленин и напомнил.

И как в чудесном, невиданном кинематографе открылась громадина чудовищной картины. Тонко дрожала неуловимая дымка, и в ней простиралась Россия, социалистическая, советская, пролетарская Россия, ободранная, голодная, разоренная, но полная напряжения пролетарских сил, а кругом облегали чудища с огромными кровавыми клыками, с налитым убийством, грабежом, эксплоатацией глазами. И они не спускают этих страшных глаз с пролетарской России, и [illegible] кровавыми клыками. Вот-вот надвинутся и растерзают пролетарскую республику, только пойдут гулять по закоулкам клочки.

И вот уж пятый год пошел, а кровавые чудища буржуазных империалистических правительств только грозно разевают пасти, а сожрать социалистическую республику, так бесконечно слабую перед ними, при всем своем страстном желании, все не могут.

Но почему же, почему?

И тонко дрожащая в дымке картина далеко развернулась простором. И сколько глаз окинул, открылись заводы и фабрики стран. И зачернелись беспредельно ряды пролетариев. Пролетариат наступил своей бесчисленной пятой на хвост чудовищ, и при всем своем страстном желании они не осмеливаются в прямую и в открытую сожрать пролетарскую республику.

И в этом все значение, в этом мировой смысл совершающихся событий. И напоминание об этом, как прикосновение к земле, вливает постоянные силы в борющуюся пролетарскую Россию.

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Доклад тов. Ленина.

Товарищи, мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении республики. Первый год мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной и основной нашей задачей—к восстановлению хозяйства, разоренного войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплоататорскими классами, и к тому, чтобы заложить снова фундамент социалистических порядков.

Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей республики, я должен здесь указать, что создалось известное, хотя, несомненно, неустойчивое, равновесие в международных отношениях. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени странно для тех из нас, кто пережил революцию с первого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов и империалистической войны, в высокой степени странно для нас видеть теперь, как сложилось дело. Никто наверное не ожидал, и не мог ожидать тогда, что положение сложится так, как оно сложилось. Мы представляли себе грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный; разрывая эту империалистическую бойню революцией, мы открываем единственно возможный выход из этой преступнейшей бойни для всех народов. И нам казалось тогда, и не могло казаться иначе, что эта прямая дорога является ясной и наиболее легкой. Оказалось, однако, что на эту прямую дорогу, которая действительно вывела нас из империалистической войны, другим народам, по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, вступить не удалось.

И если, тем не менее, мы теперь видим единственную социалистическую Советскую республику, существующую в окружении целого ряда бешено враждебных ей империалистических держав, то невольно встает вопрос, как могло это случиться. Можно без всякого преувеличения ответить: да, это случилось потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, в основном эта оценка была верна. Только поэтому получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное, и все же до известной степени несомненное равновесие, которое мы видим теперь, и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными экономически, и в военном отношении, чем мы, открыто, сплошь и рядом враждебными к нам до бешенства, тем не менее мы видим у них отсутствие осуществления того дела, на которое три года затрачивали они столько средств и столько сил, дело непосредственного и немедленного удушения Советской России. Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, мы ясно видим, в чем было дело: мы в самом основном оказались правы. Мы в своих предвидениях и в своих расчетах оказались правы. Оказалось, что хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, у нас была поддержка иного рода, поддержка не прямая и не быстрая. Это сочувствие трудящихся масс во всем мире, даже в державах наиболее нам враждебных, было решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом. Союз трудящихся всех стран, который нами был об'явлен, закреплен, и в пределах нашей республики осуществлен, оказал действие на все страны.

Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах, это мы, конечно, должны ясно видеть, и прямиком должны признать, как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно. Даже больше: сейчас мы опираемся на нее. Сочувствие к нам и прямой решительный протест не только рабочих, совершенно враждебных взглядам большевиков, но и крестьянских масс, еще более враждебных в Западной Европе взглядам большевиков, сказались в том отношении, что нашествие, которое в течение трех лет мы испытывали, которое причиняло нам неслыханные разорения и мучения,—я не скажу, невозможно, на этот счет надо быть очень осторожным и очень осмотрительным,—оно все-таки в громадной степени затруднено для наших врагов. То странное, непонятное положение, которое мы видим, станет для нас ясным, если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или за неправое дело стоят эти силы, за эксплоататорский класс или за трудящиеся массы. Мы попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, и мы увидим, что они сгруппированы так, что в основном подтвердили наши предвидения, наши расчеты, что капитализм разваливается, и чем дальше, тем быстрее растет ненависть и отвращение к войне в тех самых странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны, тем яснее становится не только для трудящихся, но в очень и очень больших размерах и для буржуазных стран победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все совершенные победы. Вот почему это странное и непонятное положение, что мы неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в хозяйственном, и в военном отношениях, в то же время сильнее их тем, что знаем и правильно оцениваем положение. Когда мы наблюдаем, что меняется голос представителей самой уверенной буржуазии, решительно и безусловно далекой от всякой мысли о социализме вообще, я уже не говорю об этом страшном большевизме, когда даже такие люди меняют свой голос, как знаменитый писатель Кейнс, книга которого переведена на все языки, который сам участвовал в версальских переговорах, который всю душу вкладывал в то, чтобы помочь своим правительствам, впоследствии должен был бросить этот путь, уйти от него, продолжая проклинать социализм, и говорить своим правительствам: «то, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному», и даже предлагать им нечто в роде того, чтобы все долги аннулировать (очень хорошо, господа, давно бы вам пора последовать нашему примеру), и когда мы на-днях читали в наших газетах краткое сообщение о том, как один из опытных, чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства, Ллойд-Джордж как будто начинает предлагать такую же меру, и как ему на это Америка как будто бы желает ответить: «извините, а мы свое хотим получить полностью», тогда мы говорим себе: неказисты дела тех передовых, могущественнейших, сильных держав, которые столько лет спустя после войны обсуждают такую простую меру. Мы легче это сделали, разве мы такие трудности преодолевали... (Аплодисменты). Мы невероятно слабы в сравнении с любым из тех государств, которые ненавидят нас, слабы и экономически, и в военном отношении, эти государства открыто ненавидят и открыто ведут против нас пропаганду. И этой пропаганды мы не боимся. Когда же мы выражаем несколько иные взгляды относительно справедливости существования помещиков и капиталистов, тогда это об'является преступной пропагандой: этого я никак не могу понять. Ибо эта пропаганда ведется легально во всех неразделяющих наши экономические взгляды и воззрения государствах. Но пропаганда о том, что большевизм есть чудовищная, преступная, узурпаторская вещь, нет слова такого, чтобы выразить все это чудище, эта пропаганда ведется открыто во всех этих странах. Недавно мне пришлось видеть Христенсена, который выступал кандидатом на пост президента Соединенных Штатов, от имени тамошней рабоче-крестьянской партии. Но, товарищи, не заблуждайтесь относительно этого названия. Оно совсем непохоже на то, что у нас в России называется рабоче-крестьянской партией. Там это чистейшая буржуазная партия, открыто и решительно враждебная всякому социализму, она признается совершенно за приличную всеми буржуазными партиями. Этот родом датчанин, а теперь американец, рассказывал мне, что когда он попробовал в Дании, среди публики, «одетой, как я»,—так сказал он, а он был хорошо одет, по буржуазному одет,—когда он попробовал сказать, что большевики преступники, так «меня чуть не убили»,—сказал он.—Публика кричала: «большевики — чудовища, узурпаторы; как это может в голову прийти мысль, чтобы в приличном обществе об этих людях говорить». Вот какова атмосфера пропаганды, которая нас окружает. И тем не менее, мы видим, что известное равновесие [illegible] что мы [illegible] неслыханных [illegible] войной. [illegible] что мы имеем перед собою в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное равновесие. Надолго ли это, не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому величайшая осторожность с нашей стороны нужна. И первой заботой

целью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, который должны усвоить все рабочие и крестьяне: быть на чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Поэтому от нового нашествия мы всегда будем на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали тяжесть империалистской войны, как едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ, мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам навязали представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию — Россию помещиков, Россию капиталистов.

Мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война, и поэтому самым осторожным и осмотрительным образом должны относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, лишь бы сохранить мир, который был куплен нами такой дорогой ценой. Но мы не согласимся на бесконечные жертвы, и пусть те немногочисленные, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии хорошенечко это запомнят. (Аплодисменты).

Кто сколько-нибудь разумно и расчетливо рассуждает как политик, тот скажет, что не было и не может быть в России правительства, кроме Советского, которое делало бы такие уступки и такие жертвы по отношению к национальностям, как существовавшим внутри нашего государства, так и к тем, которые примыкали к Российской империи; нет и не может быть другого правительства, которое бы так ясно сознавало, так отчетливо перед всеми говорило и заявляло, что отношение царистской России к народностям, ее населявшим, было преступным, и недопустимым, вызывавшим законнейший протест негодования, возмущения угнетенных национальностей. Нет, и не может быть другого правительства, которое бы так открыто признавало это положение, которое вело бы эту пропаганду, пропаганду антишовинизма, пропаганду признания преступности старой России, которое вело бы пропаганду против насильственного присоединения к России других национальностей. Это не слова, это простой политический факт, который всякому ясен, который совершенно бесспорен. Пока нет со стороны любой национальности против нас интриг, связывающих эти национальности, империалистически порабощающих эти национальности, пока они не делают мостика, чтобы нас удушить, мы перед формальностями останавливаться не будем. Мы не забудем, что мы революционеры. (Аплодисменты).

Есть факты, которые неопровержимы, бесспорно доказывают, что даже самая маленькая национальность России, победившей меньшевиков и эсеров, абсолютно может быть и должна быть спокойной за то, что ничего, кроме мирных намерений, у нас по отношению к ней нет, что наша пропаганда преступности старой политики, старых правительств не ослабевает, и, что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской империи и пожелавшими остаться с нами национальностями. Это мы доказали, и как бы ни были велики проклятия, которые сыплются на нас со всех сторон, мы это докажем. Мы прекрасно это доказали, и мы спокойно перед лицом всей рабочей и крестьянской многомиллионной российской массы скажем, что мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, что мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир отстоять. Но есть предел, дальше которого идти нельзя, мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу, мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование. (Аплодисменты).

Товарищи, то, что я сейчас сказал, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова, и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый капитализм, который запутался, и мир растущий, новый, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Старый мир имеет свою старую дипломатию, которая нам не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Он считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть... (Апл. и смех). Когда представитель этого, в отношении экономическом и военном всемогущего мира, когда он нам,—давно уж было,— прислал одного из представителей американского правительства, Буллита, с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, что готовы заключить мир даже для нас невыгодный, ибо мы уверены, что Колчак и Деникин разложатся изнутри; когда мы сказали об этом прямо, они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с улюлюканием, заставили выйти в отставку, и я удивляюсь, как его еще не потащили на каторгу, по империалистическому обычаю, за тайное сочувствие большевикам. (Смех, апл.). Мы предлагали тогда мир, худший для нас, получили же мы его на условиях для нас лучших. Маленький урок. Я знаю, что нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, все же не могли совсем бесследно пройти и в памяти кое-кого наверно остались. (Смех). Поэтому и наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление, было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войны они вынесли от наших напоминаний.

Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем с'ездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, безусловно бесследно не пройдет, и хоть некоторую роль, но все-таки сыграет.

Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто известное равновесие, оно до известной степени неустойчиво. Материально, в отношении экономическом и военном, мы безмерно слабы, а морально, не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая это, как соотношение реальных сил всех классов, во всем государствам, мы сильнее всех. Это так кажется, и это испытано на деле. И то, что этот фактор сказывается даже в неизмерно более спокойной обстановке, при более крепком и твердом вооружении, чем было до сих пор наше, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте на чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока, и помните, что мы не вправе допускать ослабления ни на секунду в отношении наших дорогих рабочих и крестьян, и их завоеваний. (Апл.).

Товарищи, от этого краткого изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому, как начинают складываться экономические отношения у нас в Западной Европе, в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами для нас невозможны упроченные экономические отношения. События очень наглядно показывают, что невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при этом враждебном отношении других держав иметь возможность существовать. Да мыслима ли такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношениях. Что это возможно в политическом и военном отношениях, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну, а связь, помощь, обмен услуг отсталой, разоренной земледельческой России от передовой, промышленно-богатой группы капиталистических держав,—а это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружат колючей проволокой, и что поэтому никаких экономических отношений не будет существовать? «Война они не испугались, так мы их возьмем блокадой». Товарищи, много мы за эти 4 года видели угроз, и таких страшных угроз, что ни одной из них бояться не можем, ибо насчет блокады опыт показал, что неизвестно, для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует. Опыт показал, несомненно, что за отчетный год, хотя сношения с нами об'являлись несуществующими (ну, пускай, они по суду буржуазному признаются несуществующими), они все-таки существуют. Вот что я считаю в праве, без малейшего преувеличения, вам доложить, как один из главных результатов отчетного 1921 года.

Не знаю, роздан ли вам сегодня, или будет роздан на-днях, отчет Наркоминдела к 9-му с'езду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст, и что его трудно прочитать до конца. Но, может быть, это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтут, и даже если его не прочтут в целом, а только чуточку на него взглянут и перелистают, то увидят, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных постоянных торговых отношений, представительств, договоров и т. д. Правда, мы не имеем юридического признания, это сохраняет свое значение, ибо опасность нарушения неустойчивого равновесия и новых попыток нашествия усилилась, о чем я говорил раньше, но факт все-таки остается фактом. За 21-й год—первый год в деле торгового оборота с за границей—мы чрезвычайно шагнули вперед. Это связано с вопросом отчасти транспорта, нашей главной, пожалуй, или одной из главнейших баз всей нашей экономики. Это связано с привозом и вывозом за границу. Позвольте привести об этом самые краткие цифры.

Все наши затруднения, гвоздь наших трудностей в смысле топлива и продовольствия, вся тяжесть с крестьянским хозяйством и обрушившегося голода и бедствий,—все это связано с вопросом о транспорте. Организационные улучшения за этот год в деле нашего транспорта несомненны. За 21-й год мы по речным судам перевезли гораздо больше, чем за 20-й, средний пробег в 21 году выразился в тысяча пудо-верст, а в 20 году—в 800 пудоверст. Организационный прогресс, несомненно, есть, мы впервые начинаем получать помощь из-за границы; заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Этого еще слишком мало, но это все же начало. У нас все-таки заказаны сотни цистерн, и до 50 в 21 году нами уже получено. Это маленькое начало мы оплачиваем чрезвычайно дорого, непомерно дорого. Но все же крупная передовая промышленность крупных стран оказывает нам помощь. Это значит, что крупная торговая промышленность капиталистических стран оказывается беспомощной без восстановления нашего хозяйства, несмотря на то, что все они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас, несмотря на то, что все они об'единены правительствами, которые продолжают печатать в своей прессе беспрерывно о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре и является ли большевистское правительство законным или беззаконным. И после долгих изысканий оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду я не в праве скрыть, но должен вам сказать, что торговые отношения у нас развиваются. Все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, но все же помогают нашему хозяйству. Как же это случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что беспрерывно твердит пресса,—а ведь эта пресса по четв нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти. Они об'являют нас преступниками, и все же нам помогают. И выходит так, что они экономически связаны с нами. И выходит так, как я говорил уже вам, что наш расчет, в большем масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет, и не потому, что у них не было бы людей, которые умеют правильно рассчитывать, наоборот, у них их больше, чем у нас, а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на гибнущем пути. Вот почему я хочу в дополнение сообщить вам несколько цифр, доказывающих развитие нашей заграничной торговли. Возьму только самые краткие цифры, которые можно будет запомнить. Если следить все три года—18, 19 и 20—наш привоз из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пудов, в 21 году 50.000.000 пуд., т.-е. в три раза больше, чем за все три предыдущие года, вместе взятые. Наш вывоз за первые три года вместе был 2½ милл. пудов, за один 21 год 11½ милл. пуд. Эта цифра—ничтожная, та цифра мизерная, до смешного малая, эта цифра всякому знающему человеку говорит сразу—нищета. Вот что свидетельствуют эти цифры. Но все-таки это начало. И мы, испытавшие попытку душить нас непосредственно, мы, слыхавшие годами угрозы, что сношений с нами, пока мы остаемся тем, что есть, они всемерно будут не допускать, мы все-таки видим, что кое-что оказалось сильнее, чем эти угрозы. Мы все-таки видим, что экономическое развитие учтено ими неправильно, а нами правильно. Начало положено. Все внимание, все усилия, все заботы мы должны теперь приложить к тому, чтобы это развитие не останавливалось, чтобы оно шло вперед. Я приведу еще одну небольшую картину, чтобы показать, как в течение 21 года мы шли вперед. В первую четверть 21 г. привоз был около 3 милл. пудов, во вторую четверть—8 милл. пудов, в третью—24 милл. пуд. Мы все-таки шагаем. Цифры эти ничтожно малы, но все же они постепенно увеличиваются. И мы видим, как они увеличиваются в 21 г., за который не приходится отчитываться, который был годом неслыханной тяжести. Вы знаете, чего стоило такое бедствие, как голод, какие неслыханные мучения он продолжает нести всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни. Все-таки, несмотря на то, что мы были страной, так сильно разоренной войной, страной, несшей такие колоссальные бедствия, и в результате всех войн, и в результате хозяйничанья царей и капиталистов, мы все-таки теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам. Вот что является основным фактором. Вот почему, когда мы читали недавно о вашингтонской конференции, когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, и с обсуждением условий настоящего мира, мы говорили себе: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось неудержимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, это сила—общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь. Чем дальше будут вступать на этот путь, тем шире, быстрее будет обрисовываться то, что я сегодня в отчете за 1921 год могу показать вам лишь в таких мизерных цифрах.

Я должен перейти теперь к нашему внутреннему экономическому положению. И здесь главный вопрос, на котором придется остановиться прежде всего,—это вопрос о нашей экономической политике. В том, чтобы к этой новой экономической политике перейти, в том, чтобы сделать первые шаги на этом пути, научиться их делать, приспособить к этому наше законодательство, нашу администрацию,—в этом состояла главная наша работа за отчетный 1921 год. Вы знаете из печати целую массу фактов, сообщений, которые доказывают, как развивалась работа в этом отношении. Вы, конечно, не станете требовать от меня, чтобы я приводил здесь дополнительные факты или перечислял те или иные цифры. Необходимо лишь установить то основное, что нас больше всего об'единяло, что является наиболее существенным, с точки зрения самого существенного и самого коренного вопроса всей нашей революции и всех будущих социалистических революций, если взять их в мировом масштабе вообще. Самый коренной, самый существенный вопрос, это—отношение рабочего класса к крестьянству, это—союз рабочего класса с крестьянством, это—умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но и благодарную школу крупной фабрики, умение поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими, какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать, а трудностей много и закрывать глаза мы на них не можем,—лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов, и только в упрочении этого союза лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горсточка богатейших держав задыхается в своем богатстве, а гигантское население земного шара бедствует, не имея возможности воспользоваться той культурой и теми богатыми рессурсами, которые имеются налицо, которым нет выхода из-за недостатка оборота. Безработица является главнейшим бедствием передовых стран. Иного выхода из этого положения нет, как прочный союз рабочего класса, прошедшего тяжелую, но единственно серьезную школу, как фабрика, фабричная эксплоатация, фабричное об'единение,—иного выхода нет. Мы видим этот союз политическим, мы видим этот союз военным, мы испытали его в самые тяжелые годы нашей Республики. Первый раз в 1921 году переживаем мы этот союз экономически. Мы еще очень и очень плохо в этом отношении поставили это дело. Надо это открыто сказать, надо видеть этот недостаток, а не прикрашивать его, и все силы направить для его исправления и понять, что тут заложена основа нашей новой экономической политики. Для того, чтобы поставить отношения между рабочим классом и крестьянством правильно, можно себе представить только два пути,—либо, если крупная промышленность, находящаяся в цветущем состоянии, может сразу снабдить мелких крестьян достаточным количеством продуктов, большим, чем прежде, и установить, таким образом, правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными. Только тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, только тогда оно силою вещей признает, что этот новый порядок лучше капиталистического. Если взять вопрос в мировом масштабе, то это условие налицо имеется—цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир своими продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 г.г. Когда промышленность работала на войну, она снабдила человечество своими продуктами так полно, что у нас оказалось не меньше 10 миллионов человек убитыми и не меньше 20 миллионов искалеченными. Из среды людей, наиболее враждебных и чуждых всякому социализму, в странах победительницах раздается наибольшее количество голосов, которые определенно говорят: если бы не было на свете дурных большевиков, то едва ли еще одну такую войну можно было допустить. Это говорят представители наиболее богатых стран. Вот на что работала эта богатая, передовая, крупная промышленность. Вот почему она в таком количестве и послужила для дела фабрикации искалеченных людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами. Все же вы в праве сказать, что в мировом масштабе эта промышленность есть. На земле есть страны с такой передовой крупной промышленностью, которая сразу снабдит сотни миллионов отсталого крестьянства на земле, и мы кладем это в основу своих расчетов.

Не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочим, т.-е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. Замена разверстки продналогом,—вот в чем суть нашей экономической политики, эта суть самая простая. Если нет цветущей крупной промышленности, способной сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для союза рабочих и крестьян, для постепенного развития мощного союза, кроме, как путь торговли,—никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела, и только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики. В эпоху, когда главное внимание и главные силы были отвлечены на задачи политические и военные, мы не могли действовать иначе, как с величайшей простотой, устремляясь вперед, зная, что авангард этот будет поддержан. В области великих преобразований в политике, в области того величайшего дела, которое мы сделали в течение 3 лет, нам был обеспечен союз крестьян и рабочих простым порывом, политическим и военным, потому что каждый крестьянин знал, чувствовал и осязал, что против него стоит вековой враг—помещик, которому так или иначе помогают представители других партий, и этот союз потому был так прочен и непобедим. В области экономической союз должен быть построен на других началах. Тут перемена сущности и форм союза. Если хоть кто-нибудь из коммунистической партии, из профсоюза или просто из людей, сочувствующих Советской власти, просмотрел эту необходимую перемену сущности союза и формы его, тем хуже для него. Такие просмотры в революции недопустимы. Изменение форм союза, быстроты развития внешней обстановки вызваны тем, что союз политический и союз военный не мог быть продолжаем просто в области экономической, когда у нас крупной промышленности еще нет, когда она разорена войной, разорена, как ни в одном государстве, а ведь она до сих пор не поднялась еще в государствах, в бесконечно более богатых, чем наше, и от войны выигравших, а не потерявших. Перемена форм и сущности союза рабочих и крестьян оказалась необходимой. Мы зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперед, чем нам позволял непосредственно союз экономический рабочих и крестьян. Мы должны были это сделать, чтобы врага победить, и мы имели право это сделать, и сделали с успехом, потому что мы наших врагов победили, а на поприще экономическом мы потерпели целый ряд поражений. И тут нечего бояться это признать, а наоборот, только тогда мы научимся побеждать, когда мы будем не бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо. Нашими заслугами в первой области, в области политической и военной, мы имеем право гордиться. Они вошли в историю, как мировое завоевание, которое еще покажет себя во всех областях. Но в области экономической, за этот год, за который мне приходится отдавать вам отчет, мы только стали на путь новой экономической политики, и мы делаем в этом отношении шаг вперед. В то же время в этом отношении мы начинаем едва-едва только учиться, и тут делаем несравненно больше ошибок. Смотря назад, опыт прошлого, который был великолепен, высок, величественен, который имел всемирное значение, не может решить той задачи экономического характера, которая нам навязана сейчас в условиях страны разоренной, в условиях, которые требуют от нас научиться, прежде всего, той экономической связи, которая сейчас неизбежна и необходима. Эта связь—есть торговля. Это для коммуниста... Это для коммунистов весьма неприятное открытие. Но если мы будем руководиться неприятностями, то мы упадем до уровня тех почти социалистов, которых мы с вами достаточно видели в эпоху временного правительства. Едва ли социалисты этого рода пользуются еще каким-либо авторитетом в нашей Республике. А нашей силой всегда был трезвый учет действительных соотношений и не бояться, как бы эти отношения нам были неприятны. Поскольку цветущая крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму, и никто не опровергнет этого факта, как не опровергнет того, что эта цветущая крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу и в самых цветущих и богатых победительницах странах, либо стоит на том, чтобы фабриковать снаряды для истребления людей. А если у нас при нашей отсталости, при которой мы попали в революцию, этого развития нет, то мы не упадем духом. Мы создадим теснейшую связь, мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс—есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплоататора. И для того, чтобы это осуществить в нашей обстановке, надо осуществить это через ту экономическую связь, которая является единственно возможной—через хозяйство. Вот почему наше отступление, вот почему мы должны были отступить к государственному капитализму, отступить к концессиям, отступить к торговле. Без этого, на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянством нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции забежит так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется. Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции.

Вот на это мы должны больше всего смотреть трезво, отсюда вытекает в первую голову сущность того, что называется у нас нашей новой экономической политикой, вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана положением нищеты, разорением, ухудшением в высшей степени крупной нашей промышленности, вызвана тем периодом, когда нашу крупную промышленность восстановить еще не можем.

Я позволю себе привести теперь самые небольшие цифры, чтобы показать, что как ни трудно нам это было, как ни много мы делали ошибок—мы делали их чрезвычайно много,—все же дело идет вперед.

Товарищи, общих данных о развитии внутренней торговли у меня нет, я думаю только привести данные оборота Центросоюза, данные за три месяца. И вот: за сентябрь оборот Центросоюза выражается в 1 милл. руб. золотом, за октябрь—3 милл., за ноябрь—6 милл. Цифры опять-таки, если взять их как абсолютные цифры, мизерны, малы, это надо признавать прямо, потому что вреднее будет делать себе на этот счет иллюзии. Это цифры нищенские, но в тех условиях разорения, в которых мы оказались, эти цифры говорят с несомненностью о том, что движение вперед есть, что такие цифры, что зацепиться за эту экономическую основу мы можем. Мы, как ни многочисленны ошибки, которые мы делаем,—и профсоюзы, и коммунистическая партия, и управляющий аппарат, мы убеждаемся в том, что мы можем избавиться от этих ошибок и постепенно избавляемся, что мы идем тем путем, который восстановит отношение между земледелием и промышленностью во что бы то ни стало. Мы должны и можем добиться под'ема производительных сил пока на той же ступени мелкого крестьянского хозяйства, пока на промышленности мелкой, если так трудно восстановление крупной. Мы должны добиться успехов и мы начинаем их добиваться, но надо помнить, что здесь другой темп, что здесь другая обстановка работы, здесь труднее добиться успеха, здесь мы не можем добиваться успеха так, как мы добивались его в области политической, в области военной. Тут мы не можем итти такими порывами, такими прыжками, таким темпом, тут ничего не сделаешь. Здесь сроки другие, они исчисляются десятками лет. Вот в какие сроки нам придется добиваться успехов в экономической войне и в обстановке не помощи, а вражды от наших соседей... А дорога эта верна, дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут остальные державы. По этой верной дороге мы начали итти. Надо только детально взвешивать каждый малейший шаг, учитывать все свои малей-

Прилив.

(Экономическая кон'юнктура и мировое рабочее движение).

Капиталистический мир вступает в период промышленного под'ема. Смена депрессий под'емами—органический закон капиталистического общества. Этот под'ем отнюдь не говорит о наступлении равновесия в классовой структуре. Кризис часто способствует нарастанию анархистских и реформистских настроений у рабочих. Под'ем будет содействовать сплочению рабочих масс.

I.

В европейском рабочем движении обнаруживаются симптомы нового революционного прилива. Идет ли на этот раз девятый вал, или еще нет—предсказать нельзя. Но несомненно, что кривая революционного движения явно идет вверх.

Самым критическим периодом в жизни европейского капитализма был первый после-военный год (1919). Высшее проявление революционной борьбы в Италии (сентябрьские дни 1920 года) разыгралось тогда, когда в Германии, в Англии, во Франции самые острые моменты политического кризиса казались уже превзойденными. Мартовские события этого года в Германии были запоздалым отголоском прошлой революционной эпохи, а не началом новой. Уже с начала 1920 года капитал и его государство, закрепив за собою первые позиции, переходят к дальнейшему наступлению. Движение рабочих масс получает оборонительный характер. Коммунистические партии убеждаются, что они в меньшинстве и в некоторые моменты кажутся изолированными от подавляющего большинства рабочего класса. Отсюда так называемый «кризис» в III Интернационале. Сейчас, как сказано, наметился явный перелом. Революционное наступление рабочих масс нарастает. Перспективы борьбы расширяются.

Эта смена этапов является результатом сложных причин разного порядка; но в основе ее лежат острые зигзаги экономической кон'юнктуры, в которых отражается капиталистическое развитие после-военного времени.

Самым опасным для европейской буржуазии временем был период демобилизации, возвращения обманутых солдат к своим очагам и их распределение по ячейкам производства. Первые послевоенные месяцы породили большие затруднения, способствовавшие обострению революционной борьбы. Но правящие буржуазные клики спохватываются и проводят широкую финансово-государственную политику, направленную на смягчение демобилизационного кризиса: бюджет продолжает сохранять чудовищные размеры эпохи войны, многие предприятия искусственно поддерживаются на ходу, многие заказы сохраняются для того, чтобы не вышло безработицы, квартиры сдаются по ценам, не обеспечивающим ремонта зданий, к ввозному хлебу и мясу государство приплачивает из своего бюджета. Другими словами: государственный долг возрастает, валюта обесценивается, основы хозяйства подрываются — с политической целью: продлит фиктивный торгово-промышленный под'ем эпохи войны. Это дает возможность промышленным верхам провести обновление технического аппарата крупнейших предприятий и переоборудование их на мирный лад.

Но фиктивный под'ем очень скоро упирается во всеобщее обеднение. Промышленность, вырабатывающая предметы потребления, первая наталкивается на чрезвычайно узкую емкость рынка и образует первую баррикаду перепроизводства, в которую затем упирается развитие тяжелой промышленности. Кризис получает неслыханные размеры и небывалые формы. Начавшись по ту сторону океана ранней весной, развившись в Европе к середине 1920 года, кризис самой глубокой своей точки достиг в мае истекающего 1921 года.

Таким образом, к тому моменту, когда начинался открытый, явный после-военный торгово-промышленный кризис (после года фиктивного под'ема), первый стихийный штурм рабочего класса на буржуазное общество уже заканчивался. Буржуазия устояла ценой лавирования, уступок, отчасти путем военного отпора. Этот первый пролетарский штурм был очень хаотичен — без определенных политических целей и идей, без плана, без руководящего аппарата. Ход и исход этого первого натиска показали рабочим, что перемена их судьбы и перестройка буржуазного общества гораздо более сложное дело, чем могло казаться во время первого проявления после-военного протеста. Сравнительно однородная по бесформенности своего революционного настроения рабочая масса начинает после этого быстро терять свою однородность: в ней происходит внутренняя дифференциация. Наиболее активная и наименее связанная традициями прошлого часть рабочего класса, усвоив себе на опыте необходимость идейной отчетливости и организационной сплоченности, смыкается в коммунистическую партию. Более консервативные или менее сознательные элементы, после неудач, временно отшатываются от революционных целей и методов. Рабочая бюрократия пользуется этим расслоением, чтобы восстановить свои позиции.

Весенний и летний торгово-промышленный кризис 1920 г. разразился, как сказано, в то время, когда уже обнаружилась указанная политическая и психологическая реакция в рабочем классе. Кризис, несомненно, обострил недовольство значительных групп рабочего класса, породил там и здесь бурные проявления недовольства, но после неуспеха наступления 19[illegible] г. и при происшедшей, в результате этого, дифференциации, экономический кризис сам по себе не мог уже вернуть движению необходимое единство и придать ему характер нового, более решительного революционного штурма. Из этого обстоятельства мы снова убеждаемся, что влияние кризиса на ход рабочего движения вовсе не имеет того однородного характера, какой мерещится некоторым упростителям: политическое влияние кризиса (не только глубина влияния, но и направление его) определяется всей наличной политической обстановкой и теми событиями, которые кризису предшествовали и ему сопутствовали, особенно же теми боями, удачами и неудачами самого рабочего класса, которые предшествовали кризису. В одних условиях кризис может дать могущественный толчок революционной активности рабочих масс, в других условиях он может совершенно парализовать наступление пролетариата и, если затянется слишком долго, после слишком больших жертв, понесенных рабочими, может крайне ослабить не только наступательную, но и оборонительную энергию рабочего класса.

Сейчас можно, в целях пояснения мысли, высказать следующее ретроспективное предположение: если бы экономический кризис с явлениями массовой безработицы и необеспеченности последовал непосредственно после конца войны, революционный кризис буржуазного общества получил бы несравненно более острый и глубокий характер. Именно для того, чтобы избежать этого, буржуазные государства смягчили революционный кризис спекулятивно-финансовым под'емом, т.-е. отсрочкой неизбежного торгово-промышленного кризиса на год—полтора, ценою дальнейшего расстройства своего финансово-хозяйственного аппарата. Кризис стал от этого еще глубже и острее, но он совпал уже не с бурной демобилизационной волной, а с моментом ее неудачи, поражения этого, перегруппировки в одном лагере, разочарования в другом и выросших отсюда расколов. Революционная энергия рабочего класса ушла внутрь и ярче всего высказалась в напряженном строительстве коммунистической партии. Она сразу вырастает, как крупнейшая сила, в Германии и во Франции. Капитал, искусственно продливший спекулятивный под'ем в течение 19-го года, после того, как непосредственная опасность миновала, использовал наступивший кризис для того, чтобы сбить рабочих с тех позиций (8-часовой рабочий день, повышение заработной платы), которые он им в предшествующий период уступил, в целях самосохранения. Отбиваясь, рабочие отступали. Идея завоевания власти, республики Советов, социалистической революции, естественно, блекли в их сознании в тот период, когда им приходилось, при том далеко не всегда с успехом, бороться из-за процентного сокращения заработной платы.

Где экономический кризис не принимал форм перепроизводства и острой безработицы, а сохранял более глубокую форму распродажи страны и понижения жизненного уровня трудящихся (Германия), там энергия рабочего класса, направленная на повышение заработной платы, в соответствии с падением покупательной силы марки, походила на энергию человека, который гонится за своей тенью. Как и в других странах, германский капитал перешел в наступление. Рабочие массы, отбиваясь, отступали нестройными рядами.

Именно в этой общей обстановке разыгрались в Германии мартовские события этого года. Суть их сводится к тому, что молодая коммунистическая партия, испугавшись явного революционного отлива в рабочем движении, сделала отчаянную попытку использовать выступление одного из активно настроенных отрядов пролетариата для того, чтобы «электризовать» рабочий класс и, по возможности, довести дело до решающего боя.

Под свежим впечатлением мартовских событий в Германии, собрался 3-й Конгресс Интернационала. В результате внимательного рассмотрения он вполне оценил опасность, вытекающую из несоответствия между тактикой «оффензивы», революционной «электризации» и пр.—и теми более глубокими процессами, которые происходили во всем рабочем классе, в соответствии с изменениями и поворотами в экономической и политической обстановке.

Если бы в 18-м и 19-м годах в Германии была коммунистическая партия такой силы, как в марте 21 года, весьма вероятно, что пролетариат оказался бы у власти еще в январе или марте 19-го года. Но такой партии не было. Пролетариат потерпел поражение. Из опыта этого поражения выросла коммунистическая партия. Если бы она, возникнув, захотела в 21 году действовать так, как коммунистической партии полагалось бы действовать в 19-м году, она расшиблась бы в прах. Именно это и раз'яснил последний Конгресс.

Спор вокруг теории оффензивы тесно сплелся с вопросом оценки экономической кон'юнктуры и ее дальнейшего развития. Наиболее последовательные представители теории оффензивы развивали следующие соображения: во всем мире царит кризис, который является кризисом распада экономического общества; этот кризис неизбежно будет углубляться и тем самым все более революционизировать рабочий класс; в виду этого, коммунистической партии незачем оглядываться назад, на резервы; ее задача—наступать на капиталистическое общество; раньше или позже пролетариат поддержит ее, гонимый бичем экономического распада. В таком законченном виде эта точка зрения не дошла до Конгресса, так как более острые углы ее были обломаны в комиссии по экономическому положению. Уже одна мысль, что торгово-промышленный кризис может уступить место относительному под'ему, казалась сознательным полусознательным сторонникам теории оффензивы почти что... центризмом. Что же касается того, что новое торгово-промышленное оживление не только не станет тормозом революции, но, наоборот, обещает сообщить ей новую силу, то мысль эта казалась уже прямо таки меньшевизмом. Мнимый радикализм «левых» нашел свое запоздалое и довольно невинное отражение на последнем с'езде германской коммунистической партии, резолюция которого, замечу мимоходом, удостаивает меня персональной полемики, хотя я выражал только взгляды центрального комитета нашей партии. Я с этим маленьким и безвредным для дела реваншем «левых» мирюсь тем охотнее, что, в общем, урок 3-го Конгресса ни для кого не прошел бесследно, и меньше всего для наших немецких товарищей.

II.

Сейчас несомненные явления перелома экономической кон'юнктуры налицо. Общие фразы на счет того, что нынешний кризис есть последний кризис распада, что он составляет основу революционной эпохи, что он может закончиться только с победой пролетариата,—не могут, очевидно, заменить конкретного анализа экономического развития со всеми вытекающими отсюда тактическими последствиями. На самом деле мировой кризис, как сказано, приостановился в мае этого года. Промышленность, работающая на потребление, первая обнаружила признаки улучшения кон'юнктуры. За ней сдвинулась с места и тяжелая промышленность. Сейчас это бесспорные факты, которые находят свое выражение в цифрах. Мы не будем их приводить, чтобы не затруднять читателю усвоения общей нашей мысли*).

*) Интересующиеся читатели найдут интересные данные в статье тов. Павловского в № 19 «Коммунистического Интернационала» и в статьях тов. С. А. Фалькнера в «Экономической Жизни», (№№ 281, 282, 285 и 286).

шие ошибки и тогда мы добьемся своего.

Я должен был бы теперь, товарищи, несколько поговорить о главном нашем промысле—о сельском хозяйстве, но думаю, что по этому вопросу вы выслушаете доклад гораздо более обстоятельный, гораздо более полный, чем мог бы сделать я, также, как и относительно голода, доклад о котором сделает тов. Калинин.

Все вам прекрасно известно, товарищи, какой неслыханной тяжестью обрушился на нас голод в 1921 году. Бедствия старой России неизбежно должны были перенестись и на нас, потому что единственным выходом из этого может быть только восстановление производительных сил, но не на старой, нищенской мелкой основе, а основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства, от беспрерывных голодовок. Для этой работы, как сразу видно, сроки, которыми мы измеряли наши политические и военные победы, не подходят. Мы все же, будучи окружены враждебными государствами, блокаду пробили; как ни скудна была помощь, мы все-таки кое-какую помощь получали. Все это в итоге выражается в 2½ милл. пудов. Мы могли собрать путем пожертвований около 600 тыс. золотых рублей. Это слишком ничтожная цифра, но из этой цифры мы видим, как корыстно отнеслась к нашему голоду европейская буржуазия.

Вы все вероятно читали, как в начале, при известиях о голоде, пышно и торжественно заявляли влиятельные государственные люди,—пользоваться голодом, чтобы поднимать вопрос о старых долгах, было бы вещью дьявольской. Я не знаю, страшнее ли дьявол, чем современный империализм, но знаю, что на самом деле вышло именно так, что с нас, несмотря на голод, попробовали взыскать, на особенно худых условиях, старые долги. Мы не отказываемся платить, мы заявляем торжественно, что будем об этом говорить деловым образом, но мы ни в коем случае не позволим закабалить нас без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения. Я должен сообщить вам, что последние дни принесли нам все-таки очень порядочный успех в деле борьбы с голодом. Вы читали в газетах, что в Америке ассигновано 20 милл. долларов на помощь голодающим в России, вероятно, на тех условиях, на которых помогает «АРА». На-днях получена от Красина телеграмма, что американское правительство предлагает формально гарантировать в течение 3-х месяцев получение нами продовольствия и семян на эти 20 милл. долларов, если мы от себя могли бы согласиться израсходовать 10 милл. долларов, т.-е. 20 милл. золотых руб. на ту же цель. Мы немедленно такое согласие дали и это передано по телеграфу. Повидимому, можно сказать, что в течение первых 3-х мес. мы на сумму 30 милл. долларов, т.-е. 60 милл. золотых руб., обеспечим продовольствием, семенами голодающих. Этого, конечно, мало, это ни в коем случае не покроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая несомненно, сделает свое дело в облегчение отчаянной нужды, отчаянного голода. И если нам уже удалось добиться известного успеха осенью в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще, то мы весною имеем надежду добиться еще большего успеха. Осенью приблизительно засеяно у нас было в голодающих губерниях 75 проц. озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая—102 проц., в губерниях производящих—123 проц., в губерниях потребляющих—126 проц. Это во всяком случае показывает, что как ни дьявольски тяжелы были наши условия, помощь крестьянству в деле расширения посевов и борьбы с голодом мы все-таки кое-какую оказали. При тех условиях, которые сложились, мы имеем право ожидать теперь, без всякого преувеличения, не боясь впасть в ошибку, что мы в деле обсеменения ярового клина окажем тоже существенную помощь крестьянству. Эта помощь ни в коем случае, повторяю, не будет полной. У нас ни в коем случае не будет возможности покрыть всю нужду. Это надо сказать ясно. И тем более надо напрягать силы для того, чтобы эту помощь расширить.

Я по этому поводу должен сообщить итоговые цифры, касающиеся нашей продовольственной работы. Что продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе облегчение, это не требует доказательств. Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а дело в том, что крестьянин чувствовал себя обеспеченнее при продналоге, заинтересованность в хозяйстве поднялась. Итог сбора продналога за отчетный год в общем таков, что нам надо напрячь все наши усилия, чтобы тут не сорваться. Вот те общие, самые краткие итоги, которые я вам сообщу, по последним данным, доставленным из Наркомпрода. Нам необходимо не меньше, чем 230 миллионов пудов, а мы можем получить 215. Все же дефицит, ни одного пуда в резерве. А сможем ли мы купить заграницей,—это неизвестно. Наш продовольственный план расчитан в обрез. Для того, чтобы наименьшую тяжесть возложить на крестьянство, пострадавшее от голода, мы в течение долгого времени все усилия употребляем в центральных советских учреждениях, чтобы продовольственный план разверстан был минимально. Если в 1920 году мы клали на содержание государства 38 миллионов, то теперь мы сказали себе: 8 миллионов. Отсюда вывод только один: продовольственный налог должен быть собран полностью во что бы то ни стало. Мы нисколько не забываем, что это составляет для крестьянства, пострадавшего так много, огромную тяжесть. Я превосходно знаю, что товарищам на местах, которые всю тяжесть продовольственной работы испытали на себе, лучше, чем мне известно, что означает задача,—собрать 100 процентов продовольственного налога непременно теперь. Но я должен от имени правительства сказать вам: эту задачу, товарищи, выполнить надо, на эту трудность пойти надо, эту тяжесть побороть необходимо, потому что иначе нашему транспорту, нашей промышленности не обеспечен самый минимальный, абсолютно необходимый бюджет, без которого существовать в той обстановке, в которой находимся мы, когда мы окружены врагами и когда международное равновесие в высокой степени неустойчиво, нельзя. Нам, которых мучали войной империалистической и войной гражданской, которых травили правящие классы всех стран, без громаднейших тяжестей из нашего положения выхода нет и быть не может, и поэтому надо совершенно отчетливо, не боясь горькой правды, сказать и от имени с'езда подтвердить на местах всем работникам, несмотря на то, что они сознают эту тяжесть: товарищи, все существование Советской республики, весь наш самый скромный план восстановления транспорта, промышленности расчитан на то, что мы общую продовольственную программу выполним. Поэтому продналог, собранный в 100 проц., является безусловной необходимостью. Говоря о нашем государственном плане, я начну с топлива, с того, что является хлебом для промышленности, основой всей нашей промышленной работы. В материалах по работе нашего Госплана—государственной общеплановой комиссии, в отчете о с'езде электротехников, который дал серьезнейший и богатейший материал, вы найдете проверку лучшими техническими и научными силами России, того плана, который является единственно научно проверенным, кратчайшим и ближайшим планом для восстановления нашей крупной промышленности, планом, который требует для своего выполнения не менее 10—15 лет. Я уже говорил, и не стану повторять, в особенности как результат нашего опыта за отчетный год, что сроки, с которыми мы должны считаться, в нашей практической работе не те, какие мы видели в области работы политической и военной. Очень многие из руководящих работников коммунистической партии и профсоюзов это усвоили, а надо, чтобы это усвоили все.

Между прочим, в брошюре тов. Кржановского «Об отчетах работ Госплана» вы увидите, как с точки зрения коллективной мысли инженеров и агрономов ставится вопрос о нашем государственном плане вообще, вы увидите, как, подходя с этой, необычной для нас с вами, точки зрения, не с точки зрения политической или общей экономики, а, повторяю, с точки зрения коллективного опыта инженеров и агрономов, расчитывают, между прочим, до каких пределов мы можем отступать,—а этот вопрос многих интересует. В этой брошюре вы найдете, как результат работы за отчетный год нашего общепланового государственного учреждения, постановку вопросов транспорта и промышленности в общем и целом. Понятно, что я не могу излагать вам здесь содержание этой работы, но мне хотелось бы лишь совсем коротко остановиться на вопросе о том, как обстоит дело с планом топливным, ибо в этой области в начале отчетного 1921 года мы понесли самое жестокое крушение. Именно тут, опираясь на улучшение дела в конце 1920 г., мы допустили величайший просчет и очутились перед величайшим кризисом весной 1921 года, кризисом, который был вызван уже не только недостатком материальных средств, но и тем, что мы неверно расчитали темп развития. Уже тогда сказалась ошибка, что опыт, нами усвоенный из периода политического и военного, мы перенесли на задачи хозяйственные,—важнейшая ошибка, коренная ошибка, которую мы до сих пор повторяем, товарищи, на каждом шагу. Сейчас у нас много таких ошибок, которых если мы не осознаем и если во что бы то ни стало не добьемся того, чтобы их исправить, у нас прочного хозяйственного улучшения быть не может. После этой ошибки мы топливный план на 2-ю половину 1921 года ставим уже с большой осторожностью, считая малейшее преувеличение недопустимым, и со всяким преувеличением боремся.

Теперь, к концу декабря, хотя еще полных цифр нет, но все же почти полные цифры, которые мне были сообщены тов. Смилгой, руководящим всеми нашими учреждениями по сбору топлива,—я могу эти цифры привести. Они показывают, что мы имеем тут дефицит, но уже дефицит незначительный, при чем дефицит, показывающий улучшения внутреннего строения нашего топливного бюджета,—именно то, что техники называют его минерализацией, т.-е. больший успех в снабжении России минеральным топливом, а только на минеральном топливе — прочная постановка крупной промышленности, способная служить базой для социалистического общества. Вот как был расчитан в начале второго полугодия 1921 года наш топливный план. Мы расчитывали получить 273 милл. пудов. Теперь цифры показывают, что мы получили около 234 миллионов пудов. Громадная нехватка, на которую я должен обратить ваше внимание. К дровяной работе наших топливных учреждений мы за отчетный год относились очень внимательно. Но именно эта работа больше всего связана с состоянием крестьянского хозяйства. Именно здесь на крестьянина и его лошадь ложится вся тяжесть. Здесь нехватка топлива, бескормица и т. д. очень отражаются на работе. Вот почему получается нехватка. Вот почему теперь, когда мы стоим в начале зимней топливной кампании, по части снабжения дровами мне опять-таки приходится сказать: товарищи, привезите на места лозунг величайшего напряжения сил в этой области. В области нашего топливного бюджета мы расчитали в минимальных размерах лишь то, что абсолютно необходимо для поднятия промышленности, но в этих минимальных размерах это нужно во что бы то ни стало исполнить, как бы тяжелы ни были условия. Дальше, угля мы расчитали получить 143 миллиона пудов, теперь мы получили 184 миллиона пудов: тут успех, прогресс минерализации нашего топлива, тут прогресс Донбасса и др. учреждений, где целый ряд товарищей работали очень самоотверженно и достигли практических результатов. Я пару цифр относительно Донбасса вам приведу, потому что это основа, крупный центр всей нашей промышленности. Нефти мы расчитывали получить 80 миллионов, что дает в переводе на условное топливо 120 миллионов. С торфом расчитывали на 24 миллиона, что дает 12 миллионов условного топлива, и получили 50. В общем, недостаток есть. Правда, этот недостаток не так велик, может быть 3—4 проц., но во всяком случае—это недостаток. Во всяком случае надо будет признать, что все это для крупной промышленности является прямой угрозой, что кое-что не выполнено будет из того минимума, который был назначен. Я этим примером показал вам, что наши плановые учреждения работали недаром, и что приближение нашего исполнения к нашим планам началось, а вместе с тем показал, что мы едва-едва начинаем подниматься, что в этом отношении тяжесть, трудность нашего хозяйственного положения еще в высочайшей степени велика и что поэтому основным лозунгом, основным боевым кличем, основным призывом, с которым должен вести и закончить свою работу наш с'езд, с которым он должен раз'ехаться на места, является: «нужно еще напряжение сил, как оно ни тяжело, и в области работы промышленной и в области работы хозяйственной». Иного спасения для республики, для удержания, сохранения, упрочения власти рабочих и крестьян нет, как напряжение труда в этом отношении. Мы достигли немалых успехов в Донбассе, где работали с чрезвычайной преданностью и с чрезвычайным успехом многие товарищи: тов. Пятаков—в области крупной промышленности и тов. Угимович—в области мелкой промышленности, которому первый раз удалось поставить мелкую промышленность так, что она кое-что дала. В крупной промышленности выработка забойщика достигла довоенной нормы, чего не было еще в крупной промышленности. Вся производительность Донбасса, если мы возьмем 1920 год, исчислялась 272 миллионами пудов, а в 1921 году исчисляется в 350 милл. Эта цифра очень и очень мала, по сравнению с той, которая была максимальной в довоенное время — 1.000.700.000. Но все же это показывает, что серьезный шаг вперед делается, это все же шаг вперед в деле восстановления крупной промышленности, а жалеть жертв, чтобы восстановить крупную промышленность, мы не можем. Еще два слова о металлургии. В этом отношении наше положение особенно тяжело. Мы производим каких-нибудь, может быть, 6 проц. того, что производили в довоенное время. Вот на какое разорение, на какую нищету империалистическая война и гражданская война опустили Россию. Но мы, конечно, поднимемся, у нас создаются такие центры, как Югосталь, где работает тоже наиболее преданным образом тов. Леви. Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 21-го года выплавляли 70 тыс. пуд. чугуна, в октябре — 130 тыс., в ноябре — 270 тыс., т.-е. почти вчетверо больше. Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике; мы нисколько не скрываем от себя, что цифры, которые я приводил, показывают уровень мизерный, нищенский, но мы все же можем доказывать этими цифрами, что как ни был тяжел 21-й год, какие исключительные тяжести ни обрушивались на рабочий и крестьянский класс, все же мы поднимаемся, мы стоим на верном пути и напрягая все силы мы можем надеяться, что под'ем станет еще выше. Я бы хотел сообщить еще некоторые данные об успехе электрификации. К сожалению, крупного успеха мы пока не имеем. Мне хотелось поздравить 9-й с'езд и я должен сказать, что поздравить мне не с чем. Я расчитывал, что смогу поздравить 9-й с'езд открытием второго крупного электрического центра, построенного советской властью: первый — Шатурка, а второй — новый центр — Каширская станция, которую мы как раз расчитывали открыть в декабре. Она дала бы и может дать 6.000 киловатт в первую очередь для Москвы, что при тех 18 тысячах киловатт, которые мы имеем в Москве, было бы существенной помощью, но тут целый ряд препятствий привел к тому, что в декабре 21-го года мы не можем открыть этой станции. Она откроется в самый короткий срок, не больше, чем через несколько недель. Вообще, вы, вероятно, обратили внимание на тот отчет, который на-днях был помещен в «Экономической Жизни» и подписан инженером Леви, одним из крупных работников 8-го Всероссийского электротехнического с'езда. Из этого отчета я приведу вам только следующие краткие цифры: если сложить 18 и 19 годы, то у нас в этот срок были открыты 51 станция с мощностью в 3½ тысячи киловатт. Если сложить 20 и 21-й год, то открыта была 221 станция с мощностью в 12 т. киловатт. Если эти цифры сравнить с Западной Европой, то, конечно, они покажутся крайне мизерными, нищенскими. Но они показывают, как может идти вперед дело даже при условиях ни в одной стране невиданных трудностей. Немаловажную роль сыграло распространение мелких станций в деревне. Надо сказать прямо, что очень часто здесь было растаскивание, но и в этом растаскивании есть некоторая польза. Этими мелкими станциями были созданы в деревне центры современной новейшей крупной промышленности. Эти, правда, ничтожные результаты все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, что она пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу. Сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет, но работа уже началась, сознание в крестьянской массе расширяется и отчасти именно благодаря тому, что у нас мелкие станции растут быстрее, чем крупные. Но если в 21-м году мы опоздали с открытием одной крупной электрической станции, то в начале 22-го года их будет две: Каширская в подмосковье и Уткина Заводь под Питером. В этом отношении во всяком случае мы стоим на пути, по которому нам обеспечено движение вперед, если мы с прежним напряжением будем относиться к выполнению наших задач.

Товарищи, мне хотелось по вопросу о нашей новой экономической политики остановиться еще на одном обстоятельстве, но сначала еще два слова о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 году достигла 93 миллионов, в 21-м году 139 милл., единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необ'ятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас, в том отношении, что эта работа страшно тяжела. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, над чем работали в Главторфе т.т. Радченко, Меньшиков и Морозов, облегчает эту работу. В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 году работало всего 2 торфонасоса, т.-е. аппарата для гидравлического добывания торфа, избавляющего рабочих от каторжного труда. Теперь заказано в Германии и к 22-му году обеспечено 20 аппаратов. Содружество с передовой Европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела, мимо которого пройти невозможно. Запас торфа в России велик, как нигде, и возможность превратить этот труд из каторжного в более нормальный теперь представляется возможным. На это обстоятельство нам надо обратить усиленное внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень много, если все будем знать и распространять ту мысль, что при механизации труда мы сумеем легче выйти из экономического кризиса в России, чем какое бы то ни было другое государство.

Теперь еще о нашей экономической политике вообще. Мне хочется подчеркнуть одну сторону дела. При оценке нашей новой экономической политики недостаточно обращать внимание только на то, что может быть особенно важно. Конечно, сущность этого есть союз пролетариата и крестьянства. Поднятие производительных сил уже началось благодаря новой экономической политике. Есть еще одна сторона — учиться. Новая экономическая политика есть та форма, в которой мы научимся хозяйствовать настоящим образом. И я конкретно хочу попытаться представить это дело так. Конечно, коммунистическому руководителю, профсоюзному руководителю трудящихся масс трудно понять, что торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственной возможной смычкой передового отряда пролетариата и крестьянства, и если взять любого купца, то он, получая сотню процентов прибыли, сумеет, например, купить сырье так, как не сумеют никакие коммунисты и профсоюзники. Частный предприниматель, конечно, будет действовать под контролем государства и суда. Суд у нас пролетарский и он у нас сумеет за каждым частным предпринимателем следить, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах. Недавно в Москве перед нами был пример. Вы все хорошо знаете, что мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов г. г. частными предпринимателями. И вот тут-то значение новой эконом. политики. Учитесь, это учение очень серьезное, мы все его должны проделать. Это учение чрезвычайно спиреное. Оно не похоже на чтение лекции в школе и на сдавание экзаменов. Это есть проблема в тяжелой, суровой экономической борьбе поставленная в обстановке нищеты, в обстановке неслыханных тяжестей, трудностей, бесхлебия, голода, холода, но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать, и здесь всякая попытка от этой задачи отмахнуться, всякая попытка закрыть глаза, что мы тут в стороне, будет самым преступным и самым опасным чванством, коммунистическим и профессионалистским. Этим грешком, мы, товарищи, все управляющие Советской Россией, этим грешком очень страдаем и надо это сознать с полной откровенностью, чтобы от этого недостатка избавиться. Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка. Здесь я приведу вам одну французскую поговорку, которая говорит, что обыкновенно у людей недостатки имеют связь с их достоинствами. Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинства. Если достоинства продолжаются больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал и мы теперь наблюдаем на всем развитии нашей революции, наших партий и наших профсоюзов, которые являются главнейшей опорой партии, на всем аппарате, управляющем Советской Россией, и мы наблюдаем этот недостаток, который является, как продолжение наших достоинств. Величайшим достоинством было то, что в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох, у нас этого никто назад взять не может; из империалистической войны и из наших бедствий мы вышли только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю. Этого взять назад нельзя, это достоинство непререкаемое, непреложное и неот'емлемое, которое не может быть отнято никакими усилиями и натиском наших врагов, но которое как раз, если его продолжить, где не надо, и становится самым опасным недостатком. Задачи политические и задачи военные можно было решить под'емом, энтузиазмом, на данной ступени сознания рабочих и крестьян, они поняли все, что война империалистическая их душит, не нужен был под'ем на новую ступень сознания, на новую ступень организации, чтобы понять это. Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и остается навсегда памятником того, что делает революция и что она могла делать, могли решить эти задачи. Вот чем мы достигли наш политический и военный успех; и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком. Мы смотрим назад и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Не в том ошибка, что политические и военные задачи мы решили, в этом наше достоинство и всемирная заслуга нашей революции, но в том, когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, что здесь смотрят назад и пытаются решить их вчерашним приемом. Не пытайтесь, не решайте! И эту ошибочность нам надо сознать. Работники коммунистические и работники профсоюзские, которые сплошь и рядом от черной, тяжелой многолетней хозяйственной работы, требующей выдержки, тяжелых испытаний, длительной работы, аккуратности и настойчивости, в качестве ли советских работников, в качестве ли вчерашних бойцов отошли от нее, отмахиваются, отговариваются воспоминаниями о том, что мы великого сделали вчера. Вы мне напоминаете басню про гусей, которые кичились, что «Рим спасли», и которым на это крестьянин ответил хворостиной. «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?» То, что в 1917—1918—1919—1920 г.г. мы решили наши задачи политические и военные с тем героизмом, с тем успехом, который теперь всемирно завоеван, которым мы положили начало новой эпохе, всемирной истории, этого не отвергает никто. Это принадлежит нам, и ни у кого ни в партии, ни в профсоюзах нет попытки отнять это у нас, но перед советскими работниками и перед работниками профсоюзов, перед нами сейчас лежит задача другая. Сейчас вы окружены капиталистическими державами, которые вам не помогут, а помешают, сейчас вы работаете в условиях нищеты, разорения, голода и бедствия. Либо научитесь работать иным темпом, считая работу десятилетиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая [illegible] и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, либо научитесь этому, либо вас назовут по справедливости гусями. Любой профсоюз и политический работник, когда он ставит общую фразу или вопрос о том, что, мол, вот мы, профсоюзы, мы, коммунистическ. партия, управляем, это хорошо; в области политической и военной мы это делали прекрасно, а в области хозяйственной мы это делаем скверно. Надо это сознать и делать лучше. Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: «Да перестаньте болтать (аплодисменты), а вы ответьте мне на вопрос практически и скажите: если вы на ответственном посту, как авторитетный человек, работник коммунистической партии или профсоюза, где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено —тысяча или десять тысяч, дайте мне список тех, кого вы ставите на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за 20 дел браться, а потом по недосугу ни одного не решить, что это у нас в советских нравах бывает, а так, чтобы хозяйство довести до конца, чтобы в течение нескольких лет сослаться на успех, чтобы не бояться учиться у того купца, который 100 проц. прибыли возьмет и еще себе заберет, а вы напишете прекрасную резолюцию о сырье и скажете, что мы представители коммунистической партии профсоюза, пролетариата». Извините, пожалуйста, что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат, где ваша промышленность? Почему она стоит? Потому что нет сырья. А вы сумели его собрать? Нет, написал резолюцию, чтобы его собрали, — и сидете в лужу. И стало быть вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим, а не исполняете той работы, тяжелой, трудной, неприятной, но необходимой. На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются не меньше, чем в месяц. Великие политические перевороты всегда, на протяжении всей истории, требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т.-е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирно-историческое значение этого дела бесспорно. Но за тем, за великим политическим переворотом встает другая задача, которую нужно понять: нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь. Не увлекаться тем, что советский строй плох—давайте его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс — это я знаю превосходным образом, и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в том дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а в том, что это политическое преобразование нужно переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет. Оно совершено, но в плоть и в кровь экономики обыден. жизни и в условиях существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом и с той быстротой в тех условиях, в которых мы вели военную работу. Прежде чем закончить, я еще позволю себе распространить то положение, что недостатки являются иногда продолжением наших достоинств, на одно из наших учреждений, именно на ВЧК. Товарищи, вы конечно все знаете, какую дикую ненависть внушает это учреждение российской эмиграции и тем многочисленным представителям правящих классов империалистических стран, которые с этой российской эмиграцией живут. Еще бы! Это то учреждение, ко-

---

Означает ли это, что приостановился распад экономического хозяйства? Что оно восстановило свое равновесие? Что революционная эпоха на исходе? Ни в какой мере. Перелом промышленной кон'юнктуры означает, что распад капиталистического хозяйства и ход революционной эпохи — явления, более сложные, чем кажется иным упростителям.

Ход экономического развития характеризуется кривыми двух порядков. Одна из них—основная — определяет общий рост производительных сил, товарного оборота, внешней торговли, банковских операций и проч. Эта кривая идет через все развитие капитализма—в общем и целом—вверх. Она выражает собою тот факт, что производительные силы и человеческое богатство при капитализме возросли. Однако, эта основная кривая поднимается вверх неравномерно. Бывают десятилетия, когда она еле-еле повышается, затем наступают новые десятилетия, когда она круто взымается вверх, чтобы затем, в новую эпоху, оставаться в течение продолжительного времени на одном и том же уровне. Другими словами, история знает эпохи более быстрого и более медленного развития производительных сил при капитализме. Так, если возьмем кривую английской внешней торговли, то установим без труда, что с конца 18-го столетия она лишь очень медленно развивается до самой средины 19-го века. Затем, в течение 20-ти с лишним лет (1851 до 1873) она поднимается вверх очень быстро. В следующую эпоху (1873—1894) остается почти неизменной, чтобы затем снова быстро подниматься вверх до самой войны.

Если начертить эту кривую на бумаге, то своим неравномерным изгибом вверху она даст нам схематическое представление о ходе капиталистического развития в целом или об одной из его сторон.

Но мы знаем, что капиталистическое развитие происходит в так называемых промышленных циклах, которые состоят из нескольких последовательных фазисов экономической кон'юнктуры: под'ем, заминка, кризис, приостановка кризиса, улучшение, под'ем, заминка и пр. Историческое наблюдение свидетельствует, что циклы сменяют друг друга каждые 8—10 лет. Если нанести их графически на бумагу, то получим на основной кривой, характеризующей общее направление капиталистического развития, периодические волны повышения и понижения. Циклические колебания кон'юнктуры свойственны капиталистическому хозяйству, как биения сердца—живому организму.

За кризисом следует под'ем и за под'емом кризис, но, в общем, кривая капитализма в течение столетий шла в гору. Ясно, что сумма под'емов была больше суммы кризисов. Однако, в разные эпохи кривая развития имела разный вид. Бывали эпохи застоя. Циклические колебания не приостанавливались. Но раз капиталистическое развитие в общем шло медленно в гору, значит, кризисы приблизительно уравновешивали под'емы. В те эпохи, когда производительные силы быстро шли в гору, циклические колебания продолжались своим чередом. Но каждый под'ем, очевидно, двигал хозяйство вперед на большее расстояние, чем последующий кризис отбрасывал его назад. Волны циклов можно было бы сравнить с колебаниями струны, если бы линия экономического развития походила на натянутую струну; на самом деле она имеет сложно изогнутый вид.

Уже эта внутренняя механика капиталистического развития, через постоянную смену кризиса и под'ема, показывает, в какой мере неправильна, прямолинейна, ненаучна мысль о том, что нынешний кризис должен, непрерывно углубляясь, длиться до диктатуры пролетариата, независимо от того, наступит ли она через год, через три, или через большее число лет! Циклические колебания, возражали мы в докладе и в резолюции на 3-м С'езде, сопровождают капиталистическое развитие в его юности, зрелости и упадке, как биения сердца сопровождают человека даже в агонии. Каковы бы ни были общие условия, каков бы ни был хозяйственный упадок, торгово-промышленный кризис сметает избыточные товары и производительные силы, устанавливает большее соответствие между производством и рынком и, тем самым, открывает возможность промышленного оживления.

Темп, об'ем, напряжение и длительность оживления зависят от всей совокупности условий, характеризующих жизненность капитализма. Сейчас можно уверенно сказать (это говорилось уже в эпоху 3-го Конгресса), что, после того, как кризис сорвет ближайшую баррикаду, в виде непомерных цен, начавшееся промышленное оживление в нынешней мировой обстановке быстро упрется в ряд других баррикад: глубочайшее нарушение экономического равновесия Америки и Европы, обнищание Центральной и Восточной Европы, длительное и глубокое расстройство финансового аппарата и пр. Другими словами, ближайший промышленный под'ем не сможет ни в коем случае восстановить условия дальнейшего развития, сколько-нибудь близкие к довоенным; наоборот, весьма вероятно, что после первых же своих завоеваний он упрется в экономические траншеи, вырытые войной.

Но под'ем есть под'ем. Он означает повышение спроса на товары, расширение производства, сокращение безработицы, повышение товарных цен и возможность повышения заработной платы. И в данных исторических условиях он не ослабит, а обострит революционную борьбу рабочего класса. Это вытекает из всего предшествующего. Рабочее движение всех капиталистических стран после войны прошло через свою кульминацию, которая привела, как мы видели, к более или менее выраженной неудаче, к отступлению, к разобщению в среде самого рабочего класса. При таких политических и психологических предпосылках затяжной кризис хотя и увеличивал бы ожесточение рабочих масс (особенно безработных и полубезработных), но в то же время неизбежно ослаблял бы их активность, ибо она тесно связана с сознанием своей производственной незаменимости.

Затяжная безработица после эпохи революционно-политического напора и отступления вовсе не благоприятна коммунистической партии. Наоборот, кризис грозил, чем дальше, тем больше, питать на одном фланге анархистские настроения, на другом — реформистские. Выражением этого факта явился откол анархо-синдикалистских группировок от III Интернационала и некоторая консолидация Амстердама и Интернационала два с половиной, временное сплочение серратианцев, откол группы Леви и пр. Наоборот, промышленное оживление должно, прежде всего, поднять самочувствие рабочего класса, подорванное неудачами и разбродом его рядов, сплотить его на заводах и фабриках и повысить в нем стремление к единодушным боевым действиям.

Уже сейчас мы наблюдаем начало этого процесса. Рабочие массы чувствуют более твердую почву под ногами. Они стремятся сплотить свои ряды. Они ощущают раскол, как помеху к действию. Они стремятся не только к более единодушному отпору против выросшего из кризиса наступления капитала, но и готовятся к контр-наступлению, опираясь на условия промышленного оживления. Кризис был периодом обманутых надежд и ожесточения, нередко бессильного. Под'ем, поскольку он развернется, даст выход этому чувству в действии. Именно об этом говорит защищавшаяся нами резолюция на 3-м Конгрессе:

«Если бы темп развития оказался более затяжным, и нынешний торгово-промышленный кризис сменился бы в большем или меньшем числе стран периодом под'ема, этот факт ни в каком случае еще не означал бы наступления «органической» эпохи. До тех пор, пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости. Пролетариат, отброшенный во время нынешнего кризиса натиском капитала назад, при сколько-нибудь явном улучшении кон'юнктуры немедленно перейдет в наступление. Его наступательная экономическая борьба, которая в таком случае велась бы неизбежно под лозунгом реванша за все обманы эпохи войны, за весь грабеж и все обиды эпохи кризиса, имела бы тем самым такую же тенденцию превратиться в открытую гражданскую войну, как и нынешняя оборонительная борьба.

III.

Капиталистическая пресса бьет в литавры по поводу экономического «оздоровления» и перспектив новой эпохи капиталистической устойчивости. Эти восторги так же неосновательны, как и дополняющие их опасения тех «левых», которые считали, что революция вырастет из непрерывного обострения кризиса. На самом деле если ближайший торгово-промышленный под'ем экономически означает новые богатства для верхов буржуазии, то политически он будет целиком на руку нам. Об'единительные тенденции в рабочем классе являются только выражением повышающейся воли к действию. Если сегодня рабочие требуют, чтобы во имя борьбы с буржуазией коммунисты сговорились с независимыми и социал-демократами, то завтра—по мере развития массовидности движения—эти же рабочие убедятся, что руководство в революционной борьбе дает им только коммунистическая партия. Первая волна прибоя поднимает все рабочие организации, толкая их к соглашению. Но и социал-демократам и независимым уготована одна и та же судьба: они друг за другом потонут в дальнейших волнах революционного прилива.

Значит ли это—в противовес теории сторонников оффензивы,—что не кризис, а наступающее экономическое оживление должно непосредственно привести к победе пролетариата? Такое категорическое утверждение было бы неосновательно. Мы уже выше показали, что между экономической кон'юнктурой и характером классовой борьбы существует не механическое, а сложное диалектическое взаимоотношение. Для понимания завтрашнего дня с нас достаточно того, что в период оживления мы вступаем гораздо лучше вооруженными, чем вступали в период кризиса. В важнейших странах европейского континента у нас сильные коммунистические партии. Перелом кон'юнктуры, несомненно, открывает перед ними возможность оффензивы—не только экономической, но и политической. Гадать сейчас, на чем она остановится, было бы бесплодным занятием: она только начинается, вернее, только намечается.

Но если допустить—станет допытываться иной казуист—что ближайшее промышленное оживление не приведет нас непосредственно к победе, тогда наступит, очевидно, новый промышленный цикл, который будет означать новый шаг по пути восстановления капиталистического равновесия. Нет ли в таком случае действительной опасности новой эпохи капиталистической реставрации? На это можно ответить так: если бы коммунистическая партия не росла, если бы пролетариат не накоплял опыта, если бы он не давал все более глубокого и непримиримого революционного отпора, если бы от обороны он не переходил при первой возможности к наступлению, то механика капиталистического развития, дополняемая маневрированием буржуазного государства, несомненно, сделала бы, в конце концов, свое дело: целые страны были бы экономически отброшены в варварство, десятки миллионов человеческих существ сошли бы на-нет в муках голода, с отчаянием в душе, и на их костях восстановилось бы какое-то новое равновесие капиталистического мира. Но такая перспектива есть чистейшая абстракция. На пути к этому умозрительному равновесию капитализма — множество глубочайших препятствий: хаос мирового рынка, расстройство валюты, милитаризм, опасность войны, неуверенность в завтрашнем дне. Стихийные силы капитализма ищут выхода среди нагроможденных на пути препятствий. Но эти же стихийные силы бьют по рабочему классу и толкают его вперед. Его развитие не останавливается даже тогда, когда он отступает. Ибо утрачивая позиции, он накопляет опыт и укрепляет свою партию. Он идет вперед. Он сам есть условие развития, фактор его, и при том важнейший, ибо в нем воплощено будущее.

Основная кривая промышленного развития идет путем вверх. Ее движение осложняется циклическими колебаниями, которые в после-военной обстановке похожи на спазмы. На какой точке развития произойдет то сочетание об'ективных и суб'ективных условий, которое даст революционный переворот, произойдет ли это в течение наступающего оживления, в начале его, или в конце, или же при наступлении нового цикла, предсказать, разумеется, нельзя. С нас достаточно того, что темп развития в значительной мере зависит от нас, от нашей партии, от ее тактики. Чрезвычайно важно отдать себе отчет в новом экономическом повороте, который может открыть новый этап сплочения рядов и победоносного наступления. Для революционной партии понять, что есть, уже само по себе означает сократить сроки и приблизить даты.

Л. ТРОЦКИЙ.

21 декабря.

торое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на советскую власть со стороны людей, бесконечно более сильных, чем мы. У них, у капиталистов и помещиков, остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них было нельзя. Это достоинство нашей ВЧК. Мы всегда это будем подчеркивать, когда мы услышим, в прямой или отраженной форме, как часто слышим из-за границы, вопли тех из русских представителей, которые на всех языках умеют употреблять слово ЧК и считать его образом русского варварства. Господа капиталисты, российские и иностранные, мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто в обстановке, когда вы нас пытались удушить, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас иначе нет ответа, кроме ответа учреждением, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не «главноуговаривающим», а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплоататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов.

Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что «достоинства человека могут стать его недостатками», и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, требует повелительно ограничить это учреждение сферой чисто-политической. Но если попытки контр-революции будут таковы, как они были до сих пор, — а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, — то мы сумеем отвечать так, чтобы в этом ответе видели нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей. Под предлогом помощи эти представители помогают контр-революции свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В такое положение мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать. Но вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции, компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Мы такой общей реформе это учреждение должны подвергнуть. Перед нами задача развития оборота, этого требует новая экономическая политика. А это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, понятно, если бы мы тогда эту задачу поставили, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем дальше идет развитие оборота, мы твердым лозунгом поставим осуществление большей революционной законности и ограничим сферу учреждения, которое являлось ответным ударом на всякий удар заговорщиков. Вот результат опыта, наблюдений и размышлений, какое правительство за отчетный год вынесло.

В заключение я должен сказать, товарищи, что та задача, которую мы решаем в этом году, которую мы с таким трудом и так плохо до сих пор решали, — соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз, — даже в обстановке наибольшей нищеты и разорения, мы эту задачу решали правильно, линию мы приняли правильную, и на этот счет сомнений быть не может.

Резолюция по докладу тов. Ленина.

По докладу т. Ленина единогласно была принята след. резолюция:

«Заслушав отчет председателя Совета Народных Комиссаров от В. Ц. И. К. и С. Н. К., 9-й с'езд Советов вполне одобряет деятельность рабоче-крестьянского правительства за отчетный год, как в области внутренней, так и в области внешней политики».

Заседание 24-го декабря.

Помощь голодающим.

Доклад о помощи голодающим делает тов. Калинин. После общего выяснения размеров голода нынешнего года в целом ряде губерний, тов. Калинин знакомит С'езд с работой комиссии Помгол при ВЦИК, а также с общими мерами по борьбе с голодом, принятыми советским правительством. Голод охватил приблизительно около 28 миллионов человек и является одним из основных факторов, тормозящих наш дальнейший поступательный ход в экономическом развитии. Осенью мы довольно успешно справились с задачей снабжения населения голодающих губерний семенами в размере 12 миллионов пудов. Но перед нами стоит еще неменьшей трудности задача снабдить к весне крестьянство этих губерний яровыми семенами не менее, чем в размере 25 миллионов пудов. К этой задаче уже приступлено, но ее выполнение значительно тормозится слабостью поступления продналога. Для государственного снабжения голодающих мест предназначено 24 миллиона п. хлеба, но это пойдет, главным образом, на фабрики и заводы, состоящие на государственном снабжении, на государственные учреждения и детские приюты. Из этого количества хлеба крестьянству перепадет очень незначительная часть. Рядом цифровых данных т. Калинин выясняет относительную незначительность той помощи голодающему населению, которую ему может оказать государство из имеющихся ресурсов. Тов. Калинин отмечает, что, учитывая ограниченную возможность помощи со стороны государства, советская власть своевременно обратилась к помощи самого населения. До 21-го декабря эта помощь выразилась в поступлении до 2 миллионов пудов хлебных продуктов, 600,000 пуд. других продуктов и, приблизительно, 450.000 руб. золотом. Докладчик говорит, что хотя по сравнению с бедствием нынешнего года эти поступления весьма незначительны, тем не менее никогда и никто ни в одну голодовку не собирал в России такого количества, какое уделили голодающим рабочие и крестьяне в настоящий момент. Самым ценным является то, что помощь со стороны населения систематически увеличивается по месяцам. Тов. Калинин выделяет особую отзывчивость населения, главным образом, крестьянства Курской губернии и Белорусской республики. Говоря о помощи из-за границы, докладчик определяет эту помощь в размере 2.580,000 пуд. различных продуктов, из которых хлебных около 1.500,000 пуд. и около 4 миллионов руб. золотом. Тов. Калинин особо отмечает помощь нашим голодающим заграничными рабочими организациями. Эта помощь, как по размерам, так и по своему характеру, является лучшим выражением международной солидарности пролетариата.

По докладу тов. *Калинина* происходит оживленный обмен мнений, в котором выступают тт. Сосновский, Антонов-Овсеенко, Семашко, Данилов и др.

Тов. *Сосновский* предлагает с'езду особо внимательно отнестись к тем фактам и цифрам, которые характеризуют помощь голодающим, получаемую как извне, так и изнутри страны. Тов. Сосновский напоминает произнесенные несколько месяцев тому назад в английском парламенте слова депутата Веджвуда, что если бы английское правительство ассигновало хотя половину тех сумм, которые оно развеяло по ветру, оказывая помощь Деникину и Колчаку, то в России не было бы ни одного случая голодной смерти. Все буржуазные правительства и организации, ассигновав для голодающих России всего 86 миллионов золотых руб., вместе с этим потратили на содержание только оккупационной армии Германии до мая 1921 года 3.639.000.000 марок золотом. Это было истрачено на содержание оккупационной армии, которая находится в неподвижном состоянии на германской территории. Сколько же было израсходовано на армии Деникина и Колчака, Врангеля и Северного правительства, которые не стояли, а двигались, опустошая и разрушая нашу страну. Американское правительство затрачивает сейчас на содержание ребенка в учреждениях, которые оно у нас содержит, около одного доллара в день и то же самое американское правительство на содержание одного солдата в белогвардейских армиях тратило 4½ доллара в день. Эти доллары приносили смерть и опустошение русскому народу. Яркими фактами самой действительности т. Сосновский рисует перед С'ездом, как буржуазные правительства и организации тратят миллиарды рублей против русского народа, но когда нужно помогать, то с величайшими задержками, с величайшим хладнокровием, с истинно дьявольским спокойствием они высчитывают, когда смерть будет гулять по России неограниченным властелином.

На той международной конференции, которая может состояться в ближайшее время, о чем говорил накануне т. Ленин, с своей стороны, мы можем пред'явить буржуазным правительствам наши контр-претензии, наши контр-счеты. В одной из граф этих счетов будут стоять факты, характеризующие отношение к нам этих стран, как, например, имевшие место в Америке и в Аргентине, где, не зная, куда деваться с хлебом, обращали его в топливо.

Особенно ярко рисует нужду голодающего населения прибывший из самой сердцевины голодного Поволжья, из Самары, тов. *Антонов-Овсеенко.* Характеризуя, между прочим, помощь голодающим в этой губернии со стороны АРА, тов. Антонов-Овсеенко говорит, что АРА кормит в этой губернии около 200,000 детей, тогда как там нуждается в помощи более 1.800,000 человек. Эта помощь падает редкими каплями в пересохшие уста.

Тов. Ярославский, говоря о сравнительно незначительной помощи голодающим со стороны Сибири, об'ясняет, что эта помощь тормозится, главным образом, по вине тех, которые сейчас за границей лицемерно проливают слезы о том, что они не могут нам оказать настоящей помощи. Он напоминает о страшном наследстве, которое мы получили от Колчака и от господства состоявших при Колчаке и в Казани и в Омске английских, французских, американских и японских миссий. Он напоминает о разрушении в свое время 167 мостов, в том числе трех самых громадных мостов через Тобол, Иртыш и Ишим, 66-ти водоснабжений, около 1,000 квадр. саж. станционных зданий и т. д., в результате чего сейчас в Алтайской губернии лежит 8 миллионов пуд. хлеба, которые мы не можем тотчас же вывезти.

Тов. Семашко напоминает о спутниках всяких голодовок—о тифозных эпидемиях, которые в настоящее время лавиной распространяются вдоль сети железных дорог и являют собой грозную опасность для населения республики. Борьба с этими эпидемиями никоим образом не может носить ведомственный характер, в ней должно принимать участие все население. Докладчик призывает проявить в этой борьбе ту же организованность, выдержку и массовое действие, благодаря которым мы побеждали на всех фронтах.

РЕЗОЛЮЦИЯ.

После краткого заключительного слова т. Калинина, С'езд принимает резолюцию, в которой доводит до сведения всех рабочих, крестьян и честных граждан всех советских учреждений, что тяжкая угроза вымирания, нависшая над местностями, охваченными засухой, не исчезла, а усиливается с каждым днем по мере истощения последних запасов, не только предметов питания, но даже суррогатов их. С'езд поручает ВЦИК предпринять в ударном порядке шаги к всемерному расширению и углублению работы народных комиссариатов по участию их своим аппаратом и ресурсами в борьбе с голодом. С'езд признает необходимым твердо забронировать из фондов Наркомпрода намеченные для питания населения голодающего района 12 миллионов пудов продовольствия и 25 миллионов пудов семян для яровых посевов в пострадавших от неурожая местностях. С'езд поручает также Центральной Комиссии помощи голодающим, как первоочередную задачу, напрячь все усилия к полному и безусловному проведению в жизнь всех мер, намеченных на Всероссийском совещании комиссией помощи голодающим в отношении установления постоянной помощи поголовно всех трудоспособных граждан, расширение физильных мер помощи и, в особенности, в деле усиления помощи детям.

С'езд выражает свою горячую благодарность рабочим всех стран, пришедшим на помощь голодающим губерниям Советской России, и особую благодарность Нансену, бескорыстно прилагающему старания к получению от других государств помощи для голодающих Поволжья. Констатируя, что буржуазные правительства и пользующиеся до сих пор их поддержкой русские контр-революционные группировки отнеслись к тяжелому бедствию голода, охватившему часть Советской России, прежде всего, как к удобному случаю для новой попытки низвержения Советской власти и контр-революционного переворота в России, а также, что влиятельные группировки торгово-промышленного мира всех стран, и под их давлением правительства этих стран отчасти усматривали в голоде благоприятный случай для завоевания в ней для себя экономически господствующего положения, С'езд поручает ВЦИК, Совнаркому и Наркоминделу продолжать прилагать все усилия для привлечения из-за границы помощи голодающим, соглашаясь при этом на уступки, совместимые с суверенными правами республики, ее внешней безопасностью и основными потребностями ее народного хозяйства.

Наша промышленность.

В вечернем заседании 24-го декабря, после доклада тов. Каменева о новой экономической политике, тов. Богдановым был сделан доклад о положении нашей промышленности.

Характеризуя положение нашей промышленности по отдельным ее отраслям, докладчик отметил значительное повышение производительности Донбасса, выработка которого в декабре, как предполагается, будет доведена до 50 миллионов пуд. угля. Повышение производительности Донбасса отмечается, главным образом, за последние 3 месяца, которые дали 40 проц. всей годовой добычи угля. Выработка нефти в 1921 г. даст 247 миллионов пудов, тогда как в 1920 году она дала 229 миллионов пудов. Указав на исключительно большие достижения в области выработки торфа, докладчик перешел к дровяному топливу, указав, что до 1-го июля тек. года нами было заготовлено 11¼ миллионов куб. саж. дров и вывезено 10.200,000, т.-е. выполнено 70 проц. намеченной программы. Но процент как заготовки, так и вывозки понизился во второй половине года. Хотя топливник, по словам докладчика, полностью оправдал себя во всероссийском масштабе, но нам придется еще затратить много сил, чтобы вполне обеспечить дровяное отопление на 1921 год. Значительное улучшение в нашем топливном балансе выражается в относительном повышении в нем количества минерального топлива. В 1922 году, говорит докладчик, мы расчитываем дать по калорийности топлива в полтора раза больше, чем в текущем году, при чем на промышленность втрое больше нынешнего года. Переходя к металлургической промышленности, докладчик отмечает, что положение в этой области обстоит хуже, чем с топливом. В настоящее время мы имеем, между прочим, 2,6 проц. добычи чугуна довоенного времени. Но выработка чугуна несколько повышается. В 1920 году было выработано 6.300,000 пудов, а в 1921 году—7¼ миллионов. Хозяйственным органам предстоит все свое внимание обратить на южный район, так как из-за недостатка заготовки топлива, в связи с недостатком продовольствия, положение на Урале может быть улучшено только к зиме 1922—1923 года. В настоящее время на юге замечается значительное повышение добычи чугуна. В 1922 году предполагается добыча 20 миллионов пудов чугуна, в 1923 году—28 миллионов пуд. и в 1924 году—42 миллиона пуд., когда она составит 21 проц. добычи довоенного времени.

В предприятиях, работающих на транспорт, главным образом, сосредоточенных в Гомзе, наблюдается за последние месяцы улучшение. Докладчик сообщает об имеющихся у нас значительных запасах меди, обработка которой до последнего времени почти не производилась, так как у нас стояли все меднообрабатывающие заводы. Высшим хозяйственным органом прилагаются все меры к скорейшему пуску целого ряда этих заводов в ближайшее время. Замечается значительный успех в соляной промышленности. В 1920 году добыча соли достигала 35 миллионов пудов, а в 1921 году достигает 65 миллионов. Наша текстильная промышленность слабо повышает производительность, так как нагрузка хорошо оборудованных текстильных фабрик достигала всего от 8 до 15 проц.

Об'единения промышленных текстильных предприятий центральных районов, вероятно, вскоре доведут нагрузку своих предприятий до 30 проц., но и этого, конечно, мало. Касаясь отдельных отраслей этой промышленности, докладчик указывает, что в ноябре на хлопчатобумажных фабриках было выработано 26 миллионов аршин ткани, а в декабре предполагается выработать от 32 до 34 миллионов арш. ткани. То же улучшение отмечается и на льняных фабриках, из которых в последнее время пущено 17, с нагрузкой в 55 проц. В химической промышленности дело обстоит значительно лучше, чем в металлургической и текстильной.

В заключение своего доклада, тов. Богданов выражает уверенность, что с'езд примет предлагаемую ему резолюцию, которая сводится к тому, что все предприятия, переданные, в силу постановления 8-го с'езда советов, местным органам, должны остаться целиком в управлении местных совнархозов, а промышленные предприятия наиболее крупного государственного значения, как топливодобывающие, рудное дело и металлургия, останутся в ведении центра и будут трестированы для наиболее успешной их работы.

Приступая к новому этапу строительства хозяйственной жизни страны, говорит докладчик, мы должны производить это строительство в тесном единении центра с местами, и IX с'езд несомненно вынесет такие постановления, которые помогут нам установить эти здоровые начала взаимоотношений центра и мест в области дальнейшего восстановления нашей промышленности и нашего хозяйства вообще.

Вокруг Вашингтонской конференции.

ЛОНДОН, 22 декабря. (Соб. кор.). В Вашингтоне опубликовано официальное сообщение по вопросу об об'еме четверного соглашения о Тихом океане. В сообщении говорится, что Гардинг не возражает против включения в сферу действий соглашения самой Японии. Корреспондент газеты «Манчестер Гардиан» телеграфирует, что толкование Гардинга не разрешит затруднений и что враждебно относящиеся к договору сенаторы воспользуются удобным случаем для новых нападок на него. Корреспонденты признают, что вашингтонской конференции не удалось преодолеть все стоящие перед нею затруднения, особенно в виду того, что шантунгский вопрос остается нерешенным и китайско-японские переговоры о Шантунге прерваны. (РОСТА).

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. кор.). Из Вашингтона сообщают полуофициально, что Франция намеревается выдвинуть следующие требования: 1) предоставление ей права иметь флот легких крейсеров и других вспомогательных судов, водоизмещением в 300,000 тонн и 2) предоставление ей права иметь подводный флот, водоизмещением в 60,000 тонн. **Все вашингтонские корреспонденты лондонских газет крайне удивлены этим требованием, представляющимся совершенно неожиданным. Приведенные цифры вдвое превышают то, на что Франция имеет право претендовать, если исходить из предоставленного ей тоннажа броненосцев.** (РОСТА).

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. кор.). Часть американских сенаторов продолжает вести ожесточенную кампанию против четверного соглашения, особенно после того, как Гардинг официально признал, что указанные в договоре гарантия распространяются на самое Японию. Вашингтонский корреспондент газеты «Дэли Кроникль» сообщает, что противники соглашения распространяют по всей Америке легенду, будто четверной договор заключен «для защиты Америкой Японии против будущей России». Корреспондент подчеркивает, что договор лишь обязывает державы уважать права друг друга в случае возникновения конфликтов. (РОСТА).

Результаты совещания премьеров.

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. кор.). Сообщение о сегодняшнем от'езде Бриана и о назначенном на первую неделю января наступающего года собрания Верховного Совета в Каннах почти все газеты признают несколько неожиданным. «Дэли Кроникль» не скрывает своего разочарования, заявляя в передовой статье, что **надежду на соглашение,** которого ждали в результате свидания Ллойд Джорджа с Брианом, **теперь приходится отложить.** Дипломатический корреспондент газеты сообщает, что Ллойд Джордж и Бриан не нашли формулы для соглашения ни по вопросу о репарациях, ни по вопросу об общей мирной политике в Европе. Но газета все еще надеется, что заседание Верховного Совета даст более благоприятные результаты: «Через пропасть, разделяющую политику Франции и Англии, должен быть перекинут мост теперь или никогда. Два миллиона британских безработных и застой в торговле являются достаточно конкретными фактами, характеризующими существующее положение и так тяжело отражающимися на интересах Англии». Анализируя далее главнейшие пункты франко-британских разногласий, газета отмечает, что в вопросе о разоружениях Франция требует гарантий своей безопасности прежде, чем разоружиться. Великобритания же полагает, что эти гарантии должны быть частью общеевропейского соглашения. По вопросу о репарациях французы настаивали в переговорах на безусловном взносе ближайших срочных платежей, и лишь в этом случае готовы предоставить Германии частичный мораторий. Это показывает только, «как далеки они еще от того духа примирения, в атмосфере которого Ллойд Джордж хотел бы расчистить путь для действительного восстановления Европы». В вопросе о подводных лодках, — продолжает газета, — возникают новые затруднения, Франция настаивает на предоставлении ей права располагать большим подводным флотом, между тем, как «постройка каждой новой лодки неминуемо повлечет за собой постройку двух английских истребителей». В заключение «Дэли Кроникль» говорит: «Ллойд Джордж явится на конференцию в Каннах с ясной и определенной политической программой. Если она не будет принята, Европа погрузится еще глубже в хаос разложения».

К признанию Советской России.

Парижский корреспондент газеты «Морнинг Пост» передает циркулирующие в Париже слухи о будущих конференциях. «В Париже, — пишет газета, — полагают, что заседание Верховного Совета будет посвящено вопросу о репарациях. В начале февраля, возможно, состоится заседание Верховного Совета, для специального обсуждения русской проблемы, а за этим заседанием, быть может, последует еще встреча представителей союзных держав с одной стороны с делегатами Германии и России, с другой. Наконец, возможен созыв еще третьей, гораздо более широкой конференции, в целях рассмотрения европейской проблемы во всем ее об'еме». (РОСТА).

ЛИФИЛЬД, 23 декабря. (Радио англ. пр. аг.). В связи с закончившимся совещанием Ллойд-Джорджа и Бриана, назавтра созвано совещание представителей английской промышленности и финансов, в котором примут участие Ллойд-Джордж и его коллеги. Аналогичное совещание из видных деятелей промышленного и финансового мира и представителей французского правительства состоится в Париже. После того, как выяснятся французская и английская точка зрения, в Париже состоится об'единенное заседание упомянутых лиц, на котором, вероятно, будут присутствовать некоторые члены британского кабинета. Результаты об'единенного совещания английских и французских министров и представителей торгово-финансового мира будут доложены Верховному Совету. В некоторых кругах полагают, что предположения, которые будут внесены английским и французским правительствами на рассмотрение конференции в Каннах, будут заключать пожелание созыва европейской экономической конференции, достаточно авторитетной для того, чтобы призвать европейские народы к сотрудничеству в деле установления прочной экономической системы и в особенности восстановить и даже поднять благосостояние этих стран. По вопросу о репарациях из авторитетного источника сообщают, что между Францией и Англией нет серьезных разногласий. Признано, что этот вопрос не может быть отделен от более широкого вопроса об экономическом восстановлении Европы. По окончании конференции Верховного Совета в Париже состоится совещание по ближне-восточному вопросу. Полагают, что это совещание произойдет 9 января. (РОСТА).

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. кор.). Агентство Рейтера сообщает о внесении сенатором Франсен в американский сенат резолюции, в которой предлагается уполномочить президента Гардинга созвать в Вашингтоне, в марте будущего года, конференцию для обсуждения международных экономических и финансовых проблем. В списке стран, намеченных к приглашению на эту конференцию, фигурируют также Австрия, Германия, Ирландия и Россия. (РОСТА).

Россия и Италия.

Россия и Италия.

РИМ, 20 декабря. (Соб. корр.). При обсуждении в палате депутатов вопроса о военнопленных итальянцах, находящихся в России, произошли бурные сцены. Отвечая на интерпелляцию, поддержанную коммунистами, социалистами и демократами, делла-Торетта, решивший, повидимому, окончательно скомпрометировать итало-русское соглашение, прибег в своей речи к самому грубому извращению фактов. Изложив дело так, как будто бы Советское правительство умышленно задерживает итальянских военнопленных, из непонятного желания оставить их в тяжелых условиях русской жизни, министр заявил, что все попытки итальянского правительства встречали якобы самый упорный отказ со стороны РСФСР. Бомбаччи, отвечая делла-Торретта, отметил всю лживость утверждений министра иностранных дел, доказал с документами в руках, что итальянское правительство систематически отказывалось послать в Россию официальную миссию по делам о военнопленных. Вся лживость утверждений делла-Торретта стала совершенно ясна, когда Бомбаччи сообщил, что Советское правительство в 1920 г. сосредоточило около 1.000 военнопленных в портах России, но итальянское правительство не позаботилось перевезти их в Италию, и они должны были вернуться внутрь страны. Интерпелланты не удовлетворились об'яснениями делла-Торретта. Республиканец Киеза внес предложение, требующее устранения всех препятствий, мешающих возвращению пленных на родину и возобновлению экономических сношений с Россией. В виду отказа делла-Торретта назначить день для обсуждения внесенного предложения, вопрос был поставлен на голосование. 181 депутат высказался за назначение дня, 79 против и 23 воздержались. За отсутствием кворума голосование было признано недействительным. Это обстоятельство спасло положение, так как в противном случае министерство должно было бы подать в отставку. Римская печать резко осуждает поведение делла-Торрета. Воровский сегодня представил Бономи письменную ноту протеста против некорректного выпада по его личному адресу со стороны делла-Торретта и указал, что последствия этой некорректности невыгодны для обеих стран. Бономи заявил Воровскому, что даст ход его ноте. В дальнейшей беседе Бономи сказал, что он не отказывается удовлетворить требование Советского правительства, касающееся вопроса о бывшем русском посольстве. (РОСТА).

Телеграммы.

ГЕРМАНИЯ.

Наступление капитала.

БЕРЛИН, 20 декабря. (Через Ригу). В текстильной промышленности в Гладбахском округе вспыхнула ожесточенная борьба на экономической почве. В виду непримиримой позиции, занятой работодателями, все текстильные рабочие и работницы округа, в числе до 30,000 человек, заявили о своем уходе с работы к 1-му января. В аугсбургской текстильной промышленности вспыхнула частичная забастовка. Союзы работодателей в ультимативной форме заявили об увольнении бастующих. (РОСТА).

Требования раб. класса.

ГАННОВЕР, 23 декабря. (Радио герм. пр. аг.). По сообщению «Роте Фане», центр. комитет германской коммунистической партии постановил предложить исполнительному комитету III Интернационала организовать согласованное выступление всех рабочих организаций под следующими лозунгами: 1) аннулирование в международном масштабе всех военных долгов, 2) прекращение новых вооружений и отказ от политики насилия, применяемой французским империализмом, 3) признание Советской России и содействие ее экономическому возрождению. (РОСТА).

АНГЛИЯ.

Тяжелое положение рабочих.

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. корр.). Насколько тяжело положение рабочих в Англии видно, между прочим, из того, что один из приходских советов близ Эдинбурга вынужден выдавать субсидии в дополнение к заработной плате рабочим шотландского нефтяного общества, являющегося отделением англо-персидской нефтепромышленной компании. Рабочие в некоторых районах южного Уэльса также не могут существовать на получаемый ими заработок. Местный совет Мартирского округа совместно с представителями министерства здравоохранения обсуждает вопрос о необходимости предоставить специальное вспомоществование рабочим, занятым полное время, так как их заработка не хватает на содержание семей. (РОСТА).

Движение безработных.

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. корр.). Газеты сообщают о новом «рейде» английских безработных. 21-го декабря 400 организованных безработных Лондона, направившись к заводу машиностроительного общества, на котором занято 18.000 рабочих, силой проникли в машинное отделение, остановили подачу пара и приступили к организации митингов в пяти заводских отделениях. Выступившие от безработных ораторы указали рабочим, побросавшим свои станки, на всю несправедливость сверхурочных работ в такое время, когда существует масса людей, совершенно лишенных работы. Администрация завода согласилась принять депутацию от безработных, при условии, что они после этого оставят завод. Между тем, прибывшая полиция пыталась удалить безработных из помещения завода, но они отказались исполнить требование полиции до возвращения своих депутатов, совещавшихся с администрацией. В конце-концов, администрация завода обещала, что на будущее время сверхурочная работа будет производиться только исключительно в случае необходимости срочного ремонта. После этого безработные удалились. (РОСТА).

Под давлением рабочих масс.

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. корр.). «Дэли Геральд» сообщает, что под давлением многочисленных протестов и агитации, правительству пришлось удовлетворить пред'явленное местными советами требование полной оплаты по ставкам трэд-юнионов труда безработных, согласно выработанному плану помощи. Представитель министерства здравоохранения согласился с тем, чтобы рабочим, занятым согласно этому плану по своей специальности, или в тех отраслях труда, где они по удостоверению местных властей оказались пригодными, была выплачиваема заработная плата в полном размере, а не в размере 75 проц., как это практиковалось до сих пор. (РОСТА).

ИРЛАНДИЯ.

Серьезное положение.

ЛОНДОН, 21 декабря. (Соб. корр.). Во время ожесточенных прений, делегат дублинского парламента огласил формулу присяги, предложенную де-Валера на закрытом заседании парламента, в противоположность формуле присяги, выработанной договором. В формуле де-Валера присяга на верность приносится конституции Ирландии и союзному договору Ирландии с Британской империей. Король Британии признается главой «Союза государств». Защитники договора уверяют, что де-Валера желает возобновить войну из-за словесной софистики. Де-Валера протестовал против оглашения этого документа, обещая опубликовать все материалы, относящиеся к переговорам. Сегодня де-Валера вносит второе альтернативное предложение. Время внесения договора на голосование еще не определено. Весьма вероятно, что [illegible] распол[illegible]агаются почти в равном числе. Ирландские газеты считают положение очень серьезным, в виду возможного отклонения договора. *«Ирландская коммунистическая партия» высказывается против договора.* (РОСТА).

ЛОНДОН, 23 декабря. (Соб. корр.). Заседания синфейнерского парламента прерваны до 3-го января. Окончательное голосование проекта англо-ирландского договора не состоялось. (РОСТА).

АВСТРИЯ.

Протест рабочих.

ВЕНА, 22 декабря (через Ригу, соб. корр.). На организованном коммунистической партией собрании рабочих вынесена резолюция протеста против приговоров, вынесенных участникам венских беспорядков. Резолюция требует немедленного освобождения заключенных, среди которых имеются и малолетние, приговоренные к годичному тюремному заключению. (РОСТА).

МЕКСИКА.

Провозглашение сов. республики.

ГАННОВЕР, 23 декабря. (Радио герм. пр. аг.). По сведениям из Вашингтона, рабочие Пуэблы (Мексика) **провозгласили советскую республику и начали раздел земель, принадлежащих большею частью испанцам.**

ЕГИПЕТ.

Борьба за независимость.

ЛОНДОН, 22 декабря. (Соб. кор.). Египетские военные власти запретили вождю египетских националистов Заглул-паше принимать участие в политической жизни государства. Заглул-паше и 8 его ближайшим сотрудникам предписано выехать на родину. В виду отказа Заглул-паши и его единомышленников добровольно подчиниться приказу, они будут отправлены на родину под военной охраной. Во многих городах Египета «заглулинцами» были устроены сочувственные демонстрации, во время которых произошли столкновения с полицией. Два демонстранта убито и 6 ранено.

На продовольственном фронте.

ИТОГОВЫЕ ЦИФРЫ.

По данным Наркомпрода на 24 декабря, благополучные по урожаю губернии заготовили 71.164.983 п. хлеба. Губернии низкой урожайности—2.715.486 п. Голодные губернии—1.362.891 п. Сибирь—25.436.839 п. Северный Кавказ—6.484.101 пуд. Восточная Киргизия—2.083.202 п.

Всего по перечисленным губерниям и областям собрано 109.247.502 п., из них: по налогу—85.031.913 п., от совхозов—1.106.611 п., в возврат семссуды—11.056.524 п. и прочих поступлений—12.052.454 п.

Автономные области и республики заготовили хлебофуража: Туркестан—2.027.903 п., Крым—144.353 п., Дагестан—7.230п. и Украина—54.862.100 пуд.

По всей федерации на 24 число заготовлено хлебофуража 166.489.088 п., в том числе: по налогу—131.943.989 п., от совхозов—1.113.135 п., в возврат семссуды—11.056.524 п. и прочих поступлений—22.375.440 п.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК.

В СИБИРИ.

В Омской губернии, в связи с двухнедельником, идет лихорадочная работа. Губпродком издал ряд боевых приказов. Уездам дано распоряжение мобилизовать на продработу всех, кого возможно. Технический персонал по сбору продналога предписано привлечь к работе на круглые сутки. Все волисполкомы и сельсоветы считаются мобилизованными на продработу.

В Семипалатинской губернии двухнедельник начался 15 декабря. Для окончания сбора всех видов продналога к 1 января мобилизованы все лучшие силы. Губерния разбита на районы, во главе которых поставлены экстренные выездные сессии губревтрибунала. К 10 декабря в губернии сдано 38 проц. На первом месте идет Павлодарский уезд, сдавший 55 проц., на втором—Зайсанский—42 проц., Каркаралинский—12 проц., Бухтарминский—10 проц. и Семипалатинский—8 проц. Недобор падает, главным образом, на имущий класс. Беднейшее население выполнило почти весь налог сполна. Наблюдается усиленная заготовка сена. За последние 10 дней собрано 40 проц. всего количества.

В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Начался продднухнедельник. В губернии об'явлена продовольственная диктатура. В течение двухнедельника должны быть сданы 100 проц. всех видов продналога. В каждый уезд назначен продовольственный диктатор, ответственный за полное и своевременное выполнение налога. Вся работа проводится посредством боевых ударных экспедиций, во главе которых стоят особые оперативные штабы. Все волисполкомы и сельсоветы губернии в полном составе мобилизованы на продработу.

ХРОНИКА.

— **Семена для голодающих районов.** Для весеннего обсеменения полей голодающих районов семенной тройкой назначено к вывозу в течение 3-х месяцев 25 миллионов пудов семян. Первые 20 миллионов пуд. в декабре и январе должны быть подвезены в элеваторы близ голодающих районов, а последние 5 миллионов пудов в феврале непосредственно в голодающие районы.

— **В память декабрьского восстания.** Красно-Пресненский райком устраивает в понедельник, 26 декабря, в театре Зимина, митинг-концерт в память Московского декабрьского восстания 1905 г.

На митинг-концерт приглашаются рабочие и работницы фабрик и заводов Красной Пресни, а также все районные комитеты Москвы.

Вход по билетам.

— **«Богатства русского Севера».** Центральный научно-технический клуб профсоюзов открывает сегодня в Доме Союзов выставку: «Богатства русского Севера». Это—выставка работ Северной научной экспедиции В. С. Н. Х. На выставке представлены экспонаты по минералогии, геологии, биологии, этнографии, собранные на Мурманском побережьи, Новой Земле, Печерске и др. Имеются картины севера академика А. Бенуа. На выставке будут демонстрироваться кинематографические с'емки Новой Земли и севера.

Выставка будет открыта ежедневно от 2 до 10 ч. вечера. Вход бесплатный.

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ:

1-й рабочий — «Мексиканец»; **Малый**—«Холопы»; **Художественный** (утром)—«Синяя птица», (вечером) — «Дочь Анго»; **1-я Студия**—«Гибель Надежды»; **2-я Студия** (Софийка, 9)—«Младость»; **Третья Студия**—«Чудо св. Антония»; **Камерный**—«Адриенна Лекуврер»; **Комедия**—«Слесарь и канцлер»; **Музыкальная драма** (утр.)—«Воскресенье» (Катюша Маслова), веч.—«Кармен»; **Драматический**—«Мария на Маргале»; **Комедия-мелодрама**—«Портрет Дориана Грея»; **Летучая Мышь**—«Финал Ревизора» и др.;. **Студия им. Горького**—«Товарищи», «Страсти молодости», «Челкаш»; **Бывш. Никитский**—«Гастроль Рычалова», «Человек без квартиры»; **Оперетта**—«Сильва»; **Еврейский камерный** — «Бог мести»; **Украинский**—«Невольник» и «Наталка Полтавка»; **Интимный**—«Свадьба Фигаро» и интермедия; **Детский**—«Соловей».

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

Вниманию делегатов IX с'езда-коммунистов, работающих в потребительской кооперации. 27 декабря, в 9½ ч. у., в пом. Центросоюза (Ильинка, Ст. п., 4, кл. раб-в Центросоюза, вход с Ипатьевск. пер.) сост. совещ. делегатов-коммунистов, работ. в потреб. кооперации. Пропуска по делегатским карточкам. Справки о совещ. можно получать в павильоне Центросоюза на общенаркоматской выставке в Д. Союзов, у дежурного инструктора.

Ц. К. РКСМ просит делегатов IX Всеросс. с'езда Совет.-членов РКСМ зарегистрироваться до окончания с'езда в оргтделе Ц. К. РКСМ; Воздвиженка, 10, комн. № 9, втор. этаж.

29 декабря, в 11 ч. у., К.-О. губотдела текстильщиков созыв. губконференцию заведующих К.-О. уотделений (Покровка, 42, кв. 10).

Ц. К. РКП просит тов. Твердохлебова и секретаря Псковск. губкома явиться в комиссию.

27 декабря, в 10 ч. у., сост. 2-й губс'езд рабочих швейной промышленности (Петровка, 12).

ПАРТИЙНЫЕ.

— Дискус. клуб Кр.-Пресненск. р. В виду общерайон. митинга на Прохоровке очередн. засед. клуба 25 отменяется; засед. кружка по изучению марксизма с 26 декабря переносится на 27 декабря, в 7 ч. в.; 27 декабря, в 7 ч. веч., сост. засед. экономич. секции.

— Горрайком. 27 декабря, в 5 ч. в., сост. собр. секретарей и организаторов женщин 2 уч. (Кузнецк. М., 15/5).

— Хамовнич. р. 26 декабря, в 10 ч. у., сост. засед. оргколлегии в райкоме.

— Кр.-Пресненск. р. извещ. всех рабочих-нип Красной Пресни, что для поездки на концерт-митинг 26 дек. в т. Зимина будет подан трамвай к 6-ти ч. в.: 1) к Бутырской заст.; 2) Ходынск. полю; 3) Пресненск. заст.

— Истпарт просит приехавших на с'езд т.т., знавших т. Артема (Сергеева), передать истпарту имеющийся у них материал для биографии. Материал может быть передан также устно (Ваганьковск., 8) с 11—3 ч. д.

СОВЕТСКИЕ.

— 26 декабря, в 3 ч. д., сост. пленум транспорт. отд. Кр.-Пресненск. Совета в пом. Совета, ком. 27.

— Пленум строит. секции Моск. Сов. сост. 27 декабря, в 4 ч. д. (Софийка, 4, к. 10).

— 27 декабря, в 5 ч. в., в Белом зале М. С. сост. засед. пленума секции М. С. при МОНО.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— Губотдел текстильщиков созыв. 26 декабря, в 10 ч. у., конференцию делег. частных предприятий. Администрации вменяется в обязанность освободить делегатов от работы в этот день.

— Губотдел кожевников созыв. 27 декабря, в 6 ч. в., конференцию рабочих частных предприятий. Представительство: 1 на 10.

— Союз нарпитания. 26 декабря, в 3 ч. д., сост. конференция месткомов.

— Союз химиков. 27 декабря, в 11 ч. у., сост. 1-е засед. совета культотдела (Дегтярный, 13).

— КО совработников созыв. 27 дек., в 3 ч. дня, расширен. конференцию культкомиссий (Газетный п., 6).

В Ц. Н. Т. К. ПРОФСОЮЗОВ.

— ЦНТК организовал конкурс художественной эмблемы профсоюзов. 26 декабря, в 1 ч. д., сост. засед. жюри.

КОНЦЕРТЫ, ЛЕКЦИИ И МИТИНГИ.

— 25 декабря, в 8 ч. в., в центр. евр. раб. клубе III Интернационал (Кузнецк. п., 6) сост. литерат. «Альманах» с уч. литераторов [illegible], Гофштейна и др.

(Р. В. Ц. Москва), 286.

2-я Образцовая газетная типография МГСНХ. Тверская, 48.

Тираж газеты «Правда» 250,000 экз.